

ЗЕМНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

ПОЛИНА

НА ЛУНЕ

Ната Чернышева

Полина на Луне

<https://litres.ru/73979606>

SelfPub; 2026

Аннотация

Всем привет! Я – Полина, и я лечу покорять Луну! Потому что выиграла финал очень важного для меня конкурса, а он как раз и будет проходить в столице Лунного округа. Туда со всей Галактики слетятся участники.

Нет, просто не будет. Мне не повезло обзавестись врагами на предыдущем этапе, но я собираюсь бороться до конца! Знай наших.

апд: хочу между делом влюбиться. У всех наших девчонок уже есть парни, мне тоже пора.

апд2: экзотов не предлагать.

апд3: до Луны шесть часов пришлось лететь бок о бок с каким-то туристом шароглазым Растяпа, нелюдь, бестолочь, бесит!

апд4: кирпичом его стукнуть или поцеловать Или кирпичом. Или поцеловать. Чёртики зелёные, выбора-то никакого!

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	32
ГЛАВА 4	45
ГЛАВА 5	59
ГЛАВА 6	69
ГЛАВА 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ната Чернышева

Полина на Луне

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

ПОЛИНА НА ЛУНЕ

АННОТАЦИЯ:

Всем привет! Я – Полина, и я лечу покорять Луну! Потому что выиграла финал очень важного для меня конкурса, а он как раз и будет проходить в столице Лунного округа. Туда со всей Галактики слетятся участники.

Нет, просто не будет. Мне не повезло обзавестись врагами на предыдущем этапе, но я собираюсь бороться до конца! Знай наших.

апд: хочу между делом влюбиться. У всех наших девчонок уже есть парни, мне тоже пора.

апд2: экзотов не предлагать.

апд3: до Луны шесть часов пришлось лететь бок о бок с каким-то туристом шароглазым... Растяпа, нелюдь, бестолочь, бесит!

апд4: ... кирпичом его стукнуть... или поцеловать... Или кирпичом. Или поцеловать. Чёртики зелёные, выбора-то никакого!

ГЛАВА 1

Если тебе не везёт, то – не везёт во всём. Начиная с самого рождения. Генетическими модификациями сейчас никого не удивишь, но я лично умудрилась поймать «прайм». Что это такое? Опытный образец, если вкратце. На который смотрят печально, со слезой, подмечают все недостатки и устраняют их при проектировании следующей генерации.

Но ты-то живёшь с тем, с чем родилась! Спасибо лучшему биоинженеру-практику с галактическим именем, твоей маме. Лет в двенадцать, помню, насмотревшись всяческих развлекалок про безумных гениев, закатила я ей истерику на тему, как она могла втянуть меня в свои кошмарные эксперименты и как я теперь живу и страдаю, и что мне это теперь на всю жизнь. Она спокойно дождалась, когда я перестану вопить, и невозмутимо сказала:

– Но ты живёшь, Полина. Могла бы не жить.

Вот тогда я и заткнулась. Потому что действительно... Мама ведь могла посчитать эксперимент неудачным или опасным. И погасить мой эмбрион ещё до того, как он начнёт первое деление. Незавидная судьба, как подумаешь.

А, да, я же родилась через аппарат искусственной утробы, искут в просторечии. И разрешение на мое рождение давал весь Учёный Совет Старой Терры. Можно гордиться своей уникальностью – других таких, как я, совершенно точно нет

нигде. Ни у нас, ни во всей Галактике.

Вот только в последнее время я всё чаще думала о том, что эксперимент не удался, и вместо плюшек меня наградили паранормой неудачи. С какой радости тогда на меня сыпались бы почти весь год все шишки, какие только можно было найти в нашем медвежьем углу?

– Глупости, – отмахнулась мама на мои жалобы. – Нет такой паранормы и быть не может.

– Но ты же сама видишь, в какую яму я попала! Мам, неужели у тебя нет никакого сочувствия к дочери?

– Денег – не дам. Сначала все свои штрафы закрой.

– Но мама, они там такие неподъёмные! Я их полжизни выплачивать буду.

– Не надо было ругаться через информ с тем маларийцем.

– Но, мама! Это же такая тварь!

– Ну да, и именно поэтому тебе пришлось цеплять его расу, происхождение, гендер, родителей и обстоятельства зачатия, причём в публичном пространстве, чтобы все участники беседы прониклись. Оскорбления личности особо циничным образом. Радуйся, что без ареста и отработки обошлось.

– Мама!

– Денег не дам.

– Но мне на Луну лететь скоро! Как я оплачу дорогу?

– Как спустила весь свой марсианский заработок в унитаз, на штрафы за оскорбление личности, так и оплачивай

теперь Луну. С песней. Не дам, я сказала! Завтра у тебя ещё кто-нибудь в том информе окажется неправ, и – здравствуй-те-пожалуйста, плазма, бот или мочало, начинаем всё сначала. Айкью-то я тебе программировала высокий, так что пора уже начинать пользоваться междушным ганглием по назначению. Восемнадцать тебе, Полина. Взрослая коровушка.

Ну, что ты с нею будешь делать!

– Что, отказала? – невозмутимо спросил Рамсув.

В общем холле у него имелось своё излюбленное место: пуф в сторонке, возле кадки с орхидеями. Заметить нашего управляющего там, особенно от входа, – нереально. Зато он всех видит. Кто входит, кто выходит, кому просто делать нечего и он на диванчиках тут с терминалом валяется.

Я подошла. Рамсув убрал ноги с низенького столика, поставил кружку, заботливо проследив за тем, чтобы колпак силового поля не прохутился или соломинка не отвалилась. Мера не лишняя, потому что Рамсув – гентбарец-кисмирув, и, как всякое порядочное насекомое, вечно употребляет всякую подгнившую гадость. Один раз аромат поймаешь – полгода нюха не будет, я гарантирую это!

Как он у нас оказался, песня отдельная. Мама откуда-то из Галактики привезла, задолго до моего рождения. С мамой у Рамсува правильный гентбарский брак – малинесвельв. Вот только бескрылые особи в размножении никакого участия не принимают, их задача – обеспечивать функционирование дома-улья на всех уровнях. Рамсув – наш управляющий, фи-

нансист семьи и главный Смотрящий За Порядком, а правильный какой – аж зубы от него скрипят. Но справедливый. И всегда даёт дельные советы. А одет как всегда, в стиле «вырви глаз, забудь про зрение»: светло-фиолетовый костюм с ядовито-зелёными разводами.

– Ага, – говорю уныло. – Отказала.

– Следовало ожидать. Я предупреждал, если ты помнишь.

Я подтянула второй пуф, плюхнулась на него и он тут же подстроился под мою пятую точку.

– Не представляю, что делать, – пожаловалась я. – Меня же пригласили! Я же отборочные прошла! Лечу со своим проектом на Лунный ЭкспоФорум! А на билет денег нет.

– Их нет не только на билет, но и на проживание, – педантично уточнил Рамсуб. – Я бы сказал «бедная девочка», но бедная девочка в данном конкретном случае виновата сама. Думать надо о последствиях, Полина. Всегда о них думать надо прежде, чем вертеть языком. А то: пять минут триумфа и – шанс получить галактическое признание летит мимо на сверхсветовой.

– Вы ещё про межушный ганглий скажите, – угрюмо посоветовала я.

– Сказал бы, да повторяться не хочу. Но в целом, пока ещё не всё потеряно.

– Как это – не потеряно?! Да всё пропало! Спасибо за сочувствие, но пойду я уже. Бесплезно!

Жизнь не удалась, вот что. Даже не представляю, чем я те-

перь буду заниматься. Похоже, на проектировании станций замкнутого цикла придётся поставить крест. Не взлетело. А счастье ведь было так близко! Эх. Что значит, не везёт!

– Сидеть, – коротко скомандовал Рамсув, и я опустилась обратно.

Наш управляющий просто так ни одного слова не скажет. Значит, он видит какое-то решение и сейчас им со мной поделится. Вот было бы хорошо! Узнать, где можно взять деньги, необходимые на полёт к Луне, недельку проживания там, в Селеналэнде, и обратную дорогу домой...

Без обратного билета о Луне нечего было мечтать: вид на жительство там дают далеко не каждому, а получить вид на жительство конкретно мне – ой как непросто. Лунники принимают только тех, кто будет им полезен. Кто сразу сможет работать по специальности. А транзитом – будь добр предъявить обратный билет либо карту на проезд дальше по маршруту, если транзитник. Печаль.

– До отлёта на Луну два месяца и двадцать один день, – заявил Рамсув. – Ты ещё можешь успеть подработать.

Подработка! Как же я раньше не догадалась!

– Что, и штрафы погасят, и социальный капитал поправят, да? – заинтересовалась я.

– Активируй терминал, я тебе скинул примерный перечень вакансий. В порядке убывания предлагаемой зарплаты. Вообще-то, эту выборку должна была сделать ты сама, но мне тебя стало жаль, и я решил помочь.

– Рамсув! – изумилась я, пробежав глазами первую вакансию. – Какой из меня вулканолог?

– Никакой. Но им нужны помощники на подхвате, а у тебя пирокинетическая паранорма всё-таки.

– Ага, угу, индекс Гаманина всего восемьдесят семь...

– Туда берут с Гаманиным от 50, они там не армия всё-таки. Вторая строчка – археологические изыскания в Танаисе...

Помощником, значит. Подай, принеси, унеси, прибери.

– Скучно, – заявила я. – Это неквалифицированный труд, а я – инженер-разработчик!

– Хочешь на Луну? – с ласковой улыбкой спросил Рамсув. Я хотела.

Деваться некуда, пришлось идти на поклон к вулканологам. Остаток лета и почти вся осень прошли в обидно близком к дому тепловом оазисе; что я там не видела, спрашивается. В самый последний момент меня перебросили именно сюда, а я так надеялась на южное полушарие Старой Терры. Там вулканы интереснее. И звери другие, и деревья, и вообще, до родного Отрадного – пятнадцать тысяч километров по прямой.

Так нет же, получи и распишись место, которое ты ещё в детстве излазила вдоль, поперёк и крест-накрест!

Держала меня мечта всё-таки оказаться на Лунном Экспо-Форуме и выйти в финал конкурса мечты. Финалистам обеспечены заказы на их проекты в любом случае. А я очень хо-

тела доказать всем вокруг и себе самой, что я – могу! Потому что я могу. Потому что по моему проекту уже построены две станции и они крутятся на орбите Марса, а ребята из «СолСпецСМУ», которые их, собственно, реализовали в металле, так сказать, очень в меня верят и на меня надеются. Выигрыш дизайн-инженера из их команды здорово компанию подстегнёт, выход в Галактику станет реальным, а то что ж, только в пределах локального пространства Солнца копать всю жизнь?

Вынесло же на меня того маларийца, чтоб ему икалось до посинения. Гентбарцы тоже умеют икать! Вот пусть и икает, пока не лопнет. Пакость.

Я ни о чём не жалела. Если бы я снова вернулась в тот день и час, всё равно сказала бы ему то, что сказала, и так, как сказала. Маларийские гентбарцы – предатели практически все поголовно, вот что. Прямо удивительно, что их всех вообще и этого в частности в правах не поразили до самой преисподней. Да ну его!

Ночами, в короткое личное время, свободное от обязанностей в экспедиции, я долго всматривалась в тёмное небо, на котором светила Луна. Сначала – половинкой, потом целиком, круглой яркой монетой, затем она снова шла на убыль... Самый, пожалуй, красивый вид у нашего спутника именно тогда, когда он висит над головой месяцем. Тогда хорошо видны огни лунных городов и поселений, из которых самым главным, самым древним и самым большим является

Селеналэнд, столица Лунного округа локального пространства Солнца.

Шутка ли, город основали восемь с половиной веков тому назад, ещё до выхода Человечества в дальний космос! Он сам по себе привлекает внимание, а уж если прилететь туда по делу...

Мне так хотелось стать значимой. Пожалуй, самое верное слово. Я хотела идти по улицам лунного города и знать, что я тут не турист, я здесь по делу, и моё дело – не самое последнее в нашей локали. Кто-то строит генераторы силовых полей, кому-то нравится выращивать полезные и нужные для жизни растения, съедобные или нет, неважно. Ну а я – инженер-дизайнер станций-поселений замкнутого цикла. Мои проекты распространятся по всей Галактике! В них люди жить будут. И не-люди тоже. Кто угодно, кто захочет приобрести.

А для этого надо было явиться на Лунный Экспофорум. И пройти в финал конкурса «Большие Вызовы». У конкурса – трёхлетний цикл, я вписалась в него ещё в школе, пахала, как проклятая, и знала, зачем.

И вот, из-за какого-то маларийского гада, торчу у вулканологов на подхвате. Возьми, принеси, подай.

Яркий треугольник, Пояс Ориона, косо завис над краем ледяной стены, отделявшей вулканический тепловой оазис от снежных пустошей моего родного края. Старая Терра давным-давно сорвалась в ледяной век, выжить на ней – не каж-

дый сможет, но мы, люди, упрямые создания. Мы живём везде. Даже там, где никто другой не выживет.

Я вернулась домой к концу осени, с погашенными штрафами, новыми знаниями по вулканологии и кой-каким запахом на счету. Оставалась буквально пара недель, чтобы ещё раз пройтись по основному проекту, подчистить огрехи и собрать всё, необходимое для поездки на Луну.

И грянул гром. Оттуда, откуда не ждали.

Я – в который уже раз! – просматривала списки приглашённых на ЭкспоФорум. Что поделаешь, грызло всё-таки тревогой: а вдруг зелёная плашка напротив моей фамилии исчезнет? Для паранойи не было никаких оснований, я прошла далеко не последней в списке. Не первая десятка, нет, но и не последняя! Прочная позиция в самой середине. Что могло меня оттуда сдвинуть? Пожар, потоп, взрыв Сверхновой?

И вот тебе, пожалуйста. Зелёная линия сменилась красной! Подлежит аннулированию! Я задохнулась от праведного гнева.

Что? Почему? Откуда? Зачем?!

И тут я разглядела визир распорядителя ЭкспоФорума.

Сказать, что меня хватил удар, значило, ничего не сказать. Я села прямо там, где стояла: Ларивинтасме! Да-да, пока я лазила по вулканическим склонам, глотала чёрную пыль и таскала за учёными их научные пожитки, у ЭкспоФорума сменился распорядитель. Прежний, человек, получил назна-

чение куда-то за пределы Солнечной Системы, и передал дела гентбарцу. Речь произнёс в адрес своего преемника – от умиления едва слеза не прокапалась. Мол, специалист! При нём дело развития движения «Большие Вызовы» расцветёт вовсю и выйдет на галактический уровень.

Гентбарцы-кисмирув – отличные организаторы, никто не спорит. Они – лучшие там, где бардак необходимо трансформировать в порядок и тот порядок потом поддерживать. На нашего Рамсува достаточно поглядеть: при нём у нашего домовладения никогда ещё не возникало отрицательного баланса. И не возникнет, хоть он и проезжается периодически на тему, что где люди, там и бардак, а где бардак – там люди. Представители Человечества, в смысле, а то людьми принято всех носителей разума называть вообще-то. Такое двойное значение у слова. Первое: все разумные. Второе – один конкретный биологический вид.

Вот только, помимо своих замечательных организационных качеств, кисмирув злопамятны как черти. Конечно, этот Ларивинтасме меня не забыл! Какая подлость! Какая мелкая, мелочная месть! Как раз по-кисмирувячи! Гадина, ненавижу!

Но, прежде, чем я успела расшарить свою боль по всему информу, рядом со мной возник Рамсув и попросту перевёл мой терминал в автономный режим. У него, как у управляющего, было такое право.

– Ну-ка, глупостей мне здесь не твори, – строго выговорил

он. – Мало тебе было тех штрафов, хочешь ещё?

А я увидела за его плечом маму. Она стояла, скрестив на груди руки, и рассматривала меня, как...

Как лабораторный материал под микроскопом!

Ну, да, она поди до сих пор по мне научные монографии пишет. Оценивает мои реакции и конспектирует...

– Полюшка-горюшко, – качая головой, сказала мама. – А вариант «материнское сочувствие» в твоём списке есть?

– Нельзя мысли читать без разрешения! – взвилась я.

У мамы третий телепатический ранг, причём не ахти какая высокая ступень. Мысли умеют снимать перворанговые, а на третьем-то мало что можешь. Но меня понесло.

– Твои мысли читать не обязательно, ты их сама в мир транслируешь, доча. На себя посмотри: к тебе же без щипцов сейчас не притронуться...

Я посмотрела на себя. И впрямь, язычки пламени по мне бегали. Пришлось повторять упражнение на самоконтроль. А оно такое, что невозможно выполнить и не успокоиться. Детская считалочка на самоконтроль, ну знаете, «волны гасят ветер». Когда-то совсем не удавалась, теперь за полминуты приводила в чувство.

Меня больше не тянуло орать и биться головой обо всё подряд, но и счастья никакого я не испытывала. Обидно было до слёз!

– Ну, почему, почему, почему мне всегда не везёт! – выдохнула я, убирая пламя.

Мама обняла меня, и я не выдержала, разревелась.

– Точно на мне паранормы неудачи нет? – всхлипывала я.

– Может, она случайно получилась! Может, ты и не хотела ничего такого, но оно само получилось!

– Ума у тебя нет, – вздохнула мама. – Совершенно. Ты в голову пока только ешь, Поля. Но ничего. Научишься со временем. Ещё поймёшь, как твои поступки в прошлом тянут на себя настоящее и способны отравить будущее. В форме вообще ни с кем ругаться не стоит, девочка моя. Там многие прячутся под масками, и нет никакой гарантии, что ты никогда никого из своих собеседников не встретишь в реальности. Вежливость – залог душевного здоровья.

– Я знаю, знаю! Но сейчас-то уже всё! Этот гад... выкинул меня... из финала! Знал же, насколько для меня важно участие!

– Ещё один урок: поменьше болтай в форме о том, что для тебя по-настоящему важно. Тогда никто не сможет причинить тебе вред...

– Мама!

– На самом деле, ничего особо-то не потеряно, – заметил Рамсув. – Я подал апелляцию от твоего имени, Полина. И её утвердили. Ты снова в финале.

– Что?!

Я выскользнула из маминых рук, схватила свой терминал... точнее, попыталась схватить. Рамсув не дал. Показал только экран, с расстояния.

– Отдай, насекомое! Сейчас же!

Вообще, на классических насекомых гентбарцы ничуть не похожи, даже крылатые. Они антропоморфны полностью с уклоном в эльфийскую сказочную красоту. Влюбиться можно без памяти, вот только ничего, кроме платонических отношений парочке не светит. Всё различие между нашими видами – глубоко внутри. Гентбарцы не теплокровные, не млекопитающие, вместо красной крови у них жёлтая гемолимфа, а уж что они едят... Запахи гентбарской кухни сопоставимы с газовой атакой. А десять двенадцатых их общества – полностью бесполы в нашем понимании. Рабочие пчёлки. Как в улье или термитнике, только с поправкой на разум.

Рамсув – кисмирув. И Лавиринтасме – кисмирув. То есть, оба представляют собой самую склочную часть гентбарского общества, и если я люблю Рамсува потому, что он любит маму, то Лавиринтасме окунуть бы башкой в чёрную дыру!

– С одним условием, – хладнокровно заявил Рамсув.

– Каким ещё условием? – возмутилась я.

– Ты не будешь разговаривать с Кавимиртувом Лавиринтасме вообще. Ни в информе, ни в реале. Никак, за исключением разве что каких-то деловых моментов. И о нём самом ты не будешь говорить ни с кем. Ни в информе, ни в реале.

Наивный. Что мне помешает? Рамсув же не будет постоянно за мной наблюдать. У него и ранга-то высокого нет, чтобы организовать полноценный телепатический надзор. А иначе не проконтролировать. Да я тут же всем расскажу, ка-

кой этот Лавиринтасме гад: сводить со мной счёты вздумал, из личной неприязни!

Вот только я забыла, что Рамсув у нас тоже кисмирув, как и мой ненавистник. А кисмирув никогда ничего не забывают и не пускают на самотёк.

– Дай слово, Полина.

Ну, вот. Поймал, связал, в землю закопал, оставив только голову...

– Поля, – строго сказала мама, верно уловив причину моего колебания.

Слово – это серьёзно. Слово паранормала – серьёзнее вдвойне. Натуральнорождённый может брать свои слова обратно, и ничего ему за это не будет, кроме общественного порицания. А у нас нарушение слова может аукнуться очень сильно. Некоторые, правда, фыркают, мол, суеверие. Но я на себе проверять не собираюсь, меня и так судьба везением не балует, наоборот, лупит при первом же случае так, что зубы друг о друга стучаются. Да и, положи руку на сердце, кто ты после того, как пообещаешь что-то и своё обещание нарочно не исполнишь? Вот-вот. Именно оно, то самое, коричневое, что не тонет.

А ещё я поняла, что Рамсув на пару с мамой попросту не отпустят меня на Луну, если я не пообещаю молчать в адрес гада. Придётся из дому убегать. Гиблая затея, ссориться с семьёй настолько.

– Даю слово, – с ненавистью сказала я.

Они терпеливо ждали. Я вздохнула, и чётко, отдельно выговаривал:

– Я, Полина Жарова, даю слово, что не буду разговаривать с Ларивинтасме в информе или реале иначе, кроме как по делу. И о нём рассказывать кому бы то ни было что бы то ни было не буду. До тех пор, пока ЭкспоФорум не завершится!

Вот так будет хорошо. Не пожизненно, а только через неделю после Нового года. А тогда я уж отведу душу.

– Принято, – кивнул Рамсув и торжественно передал мне терминал. – Готовься. У тебя в запасе есть ещё две недели... Рекомендую озаботиться билетами на пролёт к Луне. И проживанием на весь нужный срок. Полина! – Рамсув повысил голос. – Уймись. И давай эту поездку спланируешь уже ты сама. Мне не сложно, но пора бы тебе уже и самой научиться.

Я кивала, слушала его и не слышала, а по щекам снова катились слёзы, но уже от радости.

Держись, Луна!

Полина летит к тебе!

ГЛАВА 2

Ночью я не могла уснуть, всё вертелась в постели, потом плюнула – не спать, так уж не спать! Я подсела к столу, раскрыла экран и составила список того, что следует взять с собой на Луну. В процессе в ужас пришла: и то надо, и это надо, классика жанра – полный шкаф и нечего надеть.

ЭкспоФорум проходит в две недели, последнюю прошлого года и первую – нового, именно с тем, чтобы прилетевшие из Галактики участники как можно больше потратили на новогоднюю индустрию. Этот праздник – древняя традиция Старой Терры, успешно адаптированная под туристов. Ну, и мы сами тоже празднуем, конечно же.

Но если в детстве хватало семейных посиделок, а так же соревнований между сверстниками со всех поселений в округе на премию «кто эффективнее расплещет мозги по снегу», то теперь меня ждал лунный город Селеналэнд.

Мы там бывали, конечно же, в рамках краеведческих экскурсий от школы. Но одно дело – толпа одноклассников и строгий контроль педагогов, совсем другое – я сама. Одна! Не потому, что мне так захотелось, а по производственной необходимости!

Я участвую в ЭкспоФоруме. Представляю свой проект. Впереди у меня – восторженные заказчики, много интересной и важной работы, и безденежье закончится. Смогу на

Галактику посмотреть, не сидеть же мне в локали Солнца вечно.

И так, между нами говоря... Мне уже девятнадцатый год пошёл. Пора бы и влюбиться уже.

Я оставила экран со списком висеть над столешницей. Подошла к окну, убрала затемнение. Поставила фильтр на отсечение уличной засветки. Окно, впрочем, и так выходило на глухую сторону: домовладение Жаровых – последнее на нашей улице. За нами – молодой еловый лес, сама же его и сажала, ещё в школе, шесть лет назад, на уроках труда со всеми вместе. За молодым лесом дальше, к горизонту, старый лес – там деревья такие огромные, что неба не видно сквозь густые кроны. Разве что извилистая звёздная река – над нарочно устроенной просекой.

Молодой, ближний, лес лет через двадцать тоже вытянется, но над ним пока ещё оставался простор. И можно было любоваться звёздным небом.

Знакомые и привычные с детства созвездия. Пояс Ориона, косым треугольником зависший у горизонта... Яркие звёзды: Сириус Бетельгейзе... проклятье, позабывала уже всё, надо в информе уточнить.

Тонкий серпик Луны в зените.

Тёмная, не освещённая Солнцем, сторона пылала ярким пятном Селеналэнда. Сияние далёкого города будоражило меня.

Пора влюбиться! Только не в кого-нибудь из местных ре-

бят, пытавшихся периодически ко мне клеиться. Они – отличные парни, симпатичные, сильные и всё такое. Но что в них интересного? Я их с ясельного возраста всех знаю!

А вот на Луне можно встретить кого-нибудь эдакого... Откуда-нибудь из другого мира. Обязательно человека, я с ума ещё не сошла, с нелюдью сходиться. Нет, я не расистка. Просто человеку нужен человек. Вот и всё.

Ну что весёлого между мамой и Рамсувом? Они уважают друг друга, но и только. Ещё Рамсув периодически пытается найти маме мужчину, потому что в его гентбарском понимании взрослая женщина семьи не должна жить одна. Мама все попытки наладить ей личную жизнь мягко отклоняет, но у неё с Рамсувом, похоже, это давно уже стало игрой в стиле кто кого.

Но ведь, по сути-то. Мама не может родить ребёнка Рамсуву, даже и через генетические лаборатории своего центра. А Рамсув в принципе существо бесполое, настоящее оно, не способное к размножению, и для него это норма, бескрылые гентбарцы все такие, вне зависимости от своей гендерной специализации. Можно было бы клонировать, но мелкие гентбарята требуют слишком уж специфического ухода, было бы жестоко обрекать малышей на рождение в человеческом домовладении. Разве это любовь?

А мой отец, Игорь Жаров, умер давным-давно... От старости. Тогда пирокинетики дольше полувека не жили. Я видела множество записей с ним, я на него похожа: мама до

сих пор отца любит и постаралась дать мне его черты, чтобы снова увидеть любимого в своём ребёнке, пусть даже и экспериментальном.

Но ведь страшно сказать, сколько времени прошло. Мама могла бы влюбиться ещё не один раз. Но не хочет. Не знаю, насколько это правильно и хорошо, но я тоже хочу так.

Чтобы влюбиться один раз и навсегда. Чтобы чувства были настоящими, как у мамы. Чтобы даже смерть не могла разлучить нас. Папе не повезло, он таким родился, но сейчас-то всё иначе, и я с любимым буду жить долго-долго, и мы будем счастливы...

Знаю, сумбур и безумие – второе имя моих мыслей. Но мне так хотелось чуда и праздника! Сердце замирало от того, что возможное волшебство рядом, только руку протянуть, или хотя бы не ссориться с Ларивинтасме, чтоб ему на голове вертеться до конца его жизни...

В общем, собралась я на Луну как надо. Четыре габаритных короба на две недели. А как же! Мир посмотреть и себя показать: никто уже не скажет, что провинциальная дурочка ищет приключений. Проект «Лунная Полина» выглядел сногшибательно, с какой стороны ни посмотри.

Между делом, возилась с настройкой презентации. Уууу. Ыыы! Ужас. Потому что скуууучно! И рекламная нейро-

сеть на предварительной проверке без конца отклоняет. То – недостаточно качественные видеоматериалы. То – нарушение рекламных правил, и на два экрана мелким списком каких именно, читай. Но главным требованием участия в ЭкспоФоруме как раз и была отлаженная и одобренная рекламная кампания. Чтобы её могли запустить сразу же после регистрации, за счёт мероприятия, конечно же. Сама бы я не потянула бюджет ни за что.

Пойти на воздушном скейте по склонам покататься, что ли. Мозги проветрить...

Я оделась, подхватила доску. Снаружи сыпался редкий, колкий снежок, несмотря на то, что солнце проглядывало сквозь тучи. Бурана в ближайшие дни не обещали, можно было не беспокоиться. Я уже предвкушала скорость и ледяной ветер в лицо и полёт с трамплина и – позвать кого-нибудь ещё, что ли? Ради соревновательного духа.

И тут из-за угла нарисовался Рамсув.

Гентбарцы – теплолюбивая раса, их родной мир – конфетка, с полностью подчинённым системе планетарного контроля климатом. Нашего управляющего изрядно донимал холод, но он был бы не он, если бы не решил проблему: индивидуальный пошив термосберегающей одежды на заказ. Та мини-фабрика, впервые одарившая его зимним комплектом, неплохо поднялась на таких же заказах от других теплолюбивых существ, волей судьбы заброшенных в нашу морозилку.

В общем, выглядел Рамсув великолепно, как всегда. Хоть

и толще раза так в полтора, из-за особенностей ткани.

– Кататься? – коротко спросил он у меня, улыбаясь.

Я эту его улыбочку тихого маньяка под названием «сейчас скажу гадость» хорошо уже знала. Поэтому руки с доской сами опустились.

– А что, нельзя? – осведомилась я как можно нейтральнее.

– Прогноз погоды смотрела?

– Конечно! Нет никакого бурана ни на сегодня, ни на завтра...

– Расширяю вопрос: смотрела ли ты прогноз погоды в районе Кап-Яра?

– Зачем? – я всё ещё не понимала, куда он клонит, хотя датчик неприятностей уже замигал мерзким красным огоньком. – Я же на склоны сейчас...

Капустин-Яр – это наземный космопорт нашего региона, принимает с Орбитальной челноки и личные яхты. Зачем мне тамошняя погода, если я нахожусь в Отрадном, в десяти часах лёта?

– Кто-то на Луну собрался через неделю, – напомнил мне Рамсув. – Кому-то билет нужен, туда и обратно. А погодные окна у нас зимой – сама знаешь, какая штука ненадёжная. Допустим, на старт челнока погода не очень влияет, но вот на дорогу от нас к Кап-Яру...

Вот когда я задумалась как следует! Если в метеосводках стоит ухудшение погоды до оранжевой черты, то тебя из поселения дорожный контроль попросту не выпустит. Такая у

нас планета. Такой на нашей планете век – ледяной и ветренный. А климат-контроль, подобный тем системам, что установлены на развитых мирах Федерации, Старой Терре только снился: дорого, во-первых, во-вторых, мы тут – золотой фонд Человечества, планета-заказник с уникальным биоценозом, ориентированным на жизнь в суперхолодном климате, а так же объект археологического наблюдения первой степени. Нас запрещено портить сомнительным прогрессом. Ну, и ладно, не очень-то и хотелось, если так вдуматься...

– Хорошей прогулки, – с усмешкой пожелал Рамсув и удалился, сунув руки в карманы.

Я смотрела в спину ему, уходящему, и понимала, что прогулка отменяется, и как хорошо, что я никого из друзей не успела позвать. Глупо бы выглядело.

Я вернулась домой, открыла расписание. Разумеется, выбрать можно было билет туда только вместе с обратным, и приобрести эти билеты можно только при наличии предварительной брони на проживание в указанный период.

И – ох... Средств на моём счету оказалось не просто недостаточно, а катастрофически недостаточно!

Ну... да... проект «Лунная Полина» забрал достаточно много. Но кто же знал, что будут такие безумные цены!

Новый год на носу. Ажиотаж, галактический туризм, и вот это всё. То есть, по приемлемым ценам – всё разобрано ещё с середины лета. А по неприемлемым – денег нет. И погода... шепчет. Вписаться в погодное окно и денежные ограничения

оказалось практически нереально!

Ну, что за невезуха. Ну, вот так всегда!

Сначала я обозлилась на Рамсува, а потом поняла, что он меня спас. Если бы не он, я бы вообще ничего и никуда не успела бы. А ЭкспоФорум компенсирует пролёт и проживание исключительно после завершения. Согласно приложенному финансовому отчёту о тратах. Общефедеральная практика...

– Впредь сразу сначала покупай билеты и проживание, – безжалостно прокомментировал мои страдания Рамсув, когда я поделилась с ним своей болью по связи. – И только уже потом, на остатки средств, затевай всякие сомнительные проекты типа «Лунной Полины». Сама виновата! Нет, денег не дам. Ни в долг, ни под проценты, никак. А будешь ныть, отправлю финансовый минимум пересдавать.

Я оценила угрозу. Аттестационная комиссия проходит раз в год. То есть, конкретно для меня – весной, ближе к лету, раньше я даже форму заполнить не смогу, нейросеть не даст. Остаться без финансового минимума в профиле перед поездкой всей моей жизни – проще уж в прорубь кинуться. С большим камнем на шее!

Так что я выгребла из своих закромов почти всё, остался какой-то совсем уже мизер, на всякий непредвиденный случай. Даже пришлось кое-какие вещи из «Лунной Полины» сдать. Те, по которым срок возврата ещё не вышел. И на каких не стоял маркер индивидуального заказа, индивидуаль-

ники возврату не подлежат в принципе.

Нет в жизни счастья. Никакого. Сплошная боль.

Ночью мне приснился кошмар.

Как будто я тону и горю одновременно. Кричу, но меня не слышат. Ползу к свободе и спасению, но выбраться не могу никак. Когда я вырвалась из этой липкой гулкой паутины ужаса, то у меня в ушах ещё звенел собственный крик. Я поднесла ладони к лицу. Руки дрожали, пальцы горели. Я сдула с них огонь. Безымянный изобретатель негорючего постельного белья был гением, однозначно.

На планете пирокинетиков иначе не выжить. Всё спалим, до чего дотянемся, если приснится что-нибудь нехорошее.

Я села, обхватила себя за плечи. Станный такой сон. Слишком живой, слишком резкий. В боку болит до сих пор, и можно сколько угодно утешать себя тем, что просто отлежала, потому что заснула в неудобной позе. Вот только я помнила, что мне прилетело из мини-плазмогана, вскользь.

Не тот у меня индекс Гаманина. Я не умею останавливать плазму голыми руками, как бойцы Альфа-Геспина.

В незатенённое окно заглядывал пополневший до половинки месяц. На тёмной стороне сверкал огнями манящий Селеналэнд, столица Лунного округа. Кому ж там стрелять в меня понадобится? Уж не этому ли Лабиринтасме? Ну нет, он хоть и гад, но не до такой же степени!

Дверь мягко отъехала в сторону. На пороге стояла мама. В домашней одежде, она ещё не ложилась. Перед нею светился желтоватым уютным огнём шарик ручного фонарика.

– Поля, тебе плохо? – встревожено спросила мама.

Третий телепатический ранг. Ну, и вопль мой наверняка далеко был слышен, раз я сама от него проснулась.

– Кошмар приснился, – призналась я, стуча зубами.

Испуг не спешил уходить, и как же я обрадовалась, что мама пришла! Можно прижаться к ней, ощутить её ладонь на голове, её тепло, спокойную уверенность и любовь. Несмотря на все свои эксперименты, мама любила меня, сомнений не оставалось никаких. Когда два сознания соприкасаются на уровне эмоций – а другого единения нам не дано, пирокинетическая паранорма с телепатией несовместима, – в общем поле единого чувствования нет места лжи.

– Я люблю тебя, мам, – сказала я то, что думала.

– Я знаю, – ответила она мне. – Боишься? На Марс лететь ты не боялась...

– Со мной Рамсув летал, если помнишь... Да и... там у меня не было таких врагов, как Лабиринтасме.

– Я бы не назвала его врагом, Поля...

– Новости, – я вывернулась из-под маминой руки, посмотрела ей в лицо снизу вверх. – А кто же он тогда?

– Учитель.

– Что?!

– Поверь, доча, он уже кое-чему тебя научил, и ещё на-

учит, если ты не будешь ерепениться. Полезный опыт, принимай его к сведению.

– Я бы всё равно сказала ему то, что сказала! Он папу называл убийцей!

– Он не называл имени, ты уже сама додумала.

– Ну, уж и додумала! Папа служил на Альфа-Геспине!

– Но его комиссовали по здоровью задолго до Маларийского мятежа. Он в нём не участвовал. Ты не сумела пропустить мимо ушей общее замечание, и, посмотри-ка, до чего дошло: тебя трясёт при мысли о том, что придётся с этим Лавиринтасме общаться. А ведь придётся, дочь. Такова жизнь. Не все личности, с которыми тебе придётся вести дела, тебе будут одинаково приятны.

Я помолчала. В доме стояла почти ночная тишина, лишь за окном глухо ухала ночная птица. «Угу-ху, угу-ху», – то ли сова, то ли вяхирь, то ли вообще какая-нибудь горлица, вечно я их путаю... Да, они тоже у нас с паранормой, и огнём пыхают, когда резко взлетают. Ночью, бывает, красиво, – обычно их дети пугают именно затем, чтобы азартно повизжать на огненный полёт сквозь морозную ночь. Сама так делала не так уж давно...

– Всё будет хорошо, Полина, – мама крепче прижала меня к себе. – Куда ночь, туда и сон... Это всего лишь нехороший сон, и только. Не бери в голову.

Я только вздохнула. Сон уже почти полностью выветрился из моей головы, и я знала, что к утру о нём забуду почти

полностью.

Половинка Луны светила на нас обоих, превращая комнату в пристанище призраков. Если бы не тепло совместных, обнимавшее обоих, можно было подумать, что мы тоже призраки и скоро выберемся в мир по лунному лучу, пугать детишек.

Мысли путались, я снова уплывала в сон. Но успела почувствовать, как мама подворачивает под меня одеяло, совсем как в детстве, когда я была маленькой и болела.

Мне снова приснилась Луна, но уже спокойно. Украшенные к празднику коридоры, висящая над горизонтом Старая Терра... я буду там... буду... и я выиграю финал.

Как бы там ни кривился Ларивинтасме.

Я... выиграю... жизнь...

ГЛАВА 3

Через несколько дней я уже смотрела на мою родную планету с обзорной площадки Старотерранской Орбитальной.

Сине-белый, разводами, шар с хаотичными пятнами тепловых оазисов и свободной от льда и снега полосой по экватору. Пояс Жизни... большинство городов и поселений аграрного сектора сосредоточенно именно там. Старая Терра находится на полном самообеспечении, и так всегда было.

Я ещё не знала, что вернусь домой очень не скоро. Ничего мне тогда не кольнуло и не испугало. Земля в иллюминаторе, как в старой песне, и впереди – Большое Приключение, а там – хоть трава не расти, и снег не падай.

Я летела побеждать.

И только так.

... До посадки на лунный челнок оставалось пять часов. Одно из неудобств дешёвых билетов. И тащиться это жестяное ведро с болтами до Селеналэнда будет ещё целых шесть часов. Так что на ЭкспоФорум я успевала впритык.

Не дай бог что-то пойдёт не так! Опоздать на регистрацию ещё не хватало. Ларивинтасме не спустит, можете не сомневаться. Поэтому я тщательно изучила маршрут от причала номер семьдесят шесть до центра Селеналэнда. Общественным транспортом, благо он бесплатен для всех жителей и посетителей столицы, выходило сорок восемь минут. Добавим

сюда переходы между шлюзами... час и двенадцать минут.

Впритык.

Регистрация заканчивается через полчаса.

И быстромобиль не вызовешь, запрещён в Селеналэн-де частный городской транспорт. Надо думать! Жизненное пространство ограничено, туристов из Галактики в сезон прибывает немерено, разреши личные машины и все улицы встанут в дичайших пробках.

А что, так и было лет триста тому назад, и это тогда ещё галактического туризма как такового в Солнечной Системе ещё не существовало. Смотришь архивные записи того времени, сравниваешь с настоящим и чувствуешь разницу. У нас на Старой Terre личные авто в центрах крупных мегаполисов запрещены тоже, и я считаю, что это правильно и хорошо.

Я тщательно сохранила маршрут экстренного забега, чтобы потом, после прибытия, не метаться в приступе паники. И открывала финансовую страницу: надо было распланировать дни в календаре по средствам. Рамсув в своей обычной манере пожелал мне удачи, задушевно предложив каким-то там финансовым планированием не заморачиваться. Я обиделась. За кого он меня держит?!

– За пустоголовую бестолочь, у которой горизонт планирования – примерно как у аквариумной рыбки, – прямо ответил он. – Ничего, научишься. Поездка во всех смыслах пойдёт тебе на пользу, Полина.

– Ага, практически без денег, угу, – ответила я ему.

– Бедная девочка, – язвительно выговорил Рамсув.

Я угрюмо промолчала. В голосе проклятого гентбарца было что угодно, только не сочувствие.

– Проблема не в том, что семья не в состоянии прокормить одну глупышку, – продолжил он. – Проблема в том, что ты на данном этапе своей жизни – денежная чёрная дыра, Полина. Сколько туда средств ни бухни, всё будет мало. И без толку. Вот скажи-ка, перед такой важной для тебя поездкой ты занималась – чем? Даже бронь сама не догадалась сделать! Даже билеты без подсказки приобрести! А зато придумала проект «Лунная Полина» и носилась с ним всю неделю; не заметить вереницу доставочных платформ со всякой ерундой мог только слепой.

– Почему сразу ерунда! – возмутилась я, не выдержав упрёков.

– Пять коробов ты берёшь с собой. На две недели. А площадью места проживания ты поинтересовалась?

– Площадь как площадь...

– Ну-ну, – хмыкнул Рамсув. – Боюсь, что тебя ждут сюрпризы...

Я это всё сейчас вспоминала, ёжилась и пыталась растянуть по времени свои скудные средства.

Получался такой мизер на каждый день, что хоть плачь. Ладно, питаться можно в точках общественного питания, они очень дешёвые (и подают там жидкую резину по вкусу,

питательную, но резину...)) но как, скажите пожалуйста, выжить без кофе? И без новогоднего праздника?

Разве что подработать по мелочи чем-нибудь в информ-ме... Вроде переводов с экзотических языков на эсперанто. Проблема тут была всего одна, зато громадная: никаких таких редких языков я не знала. Русский, эсперанто и разговорный гентбарский чинтсах, из-за Рамсува. Так что в поиск можно спокойно не заглядывать.

Ну, не везёт, я же сказала. Паранорма неудачи, как она есть. Мама может сколько угодно отнекиваться, но по факту-то. Что-то у неё в тех колбах, где проходило моё зачатие, пошло не так. Признаваться в своём профессиональном фиаско кто же любит. Вот.

Сидела я вся в таких мрачных мыслях, никого не трогала, и вдруг мне на голову полилось что-то горячее. Судя по запаху – кофе. Какой-то специфичный запах, с отчётливым привкусом этанола - наверное, алкогольная добавка. Бальзам там какой-нибудь. Или коньяк. Пожалуй, даже коньяк...

– Твою мать! – заорала я, вскакивая. – Какого лысого ёжика?!

Кофе. На голове. Волосы в липкой гадости, и ещё по шее потекло, под ворот, представляете? Я сжала кулаки, и над ними вспыхнуло рыжее пламя. Поджарю ублюдка! Нашёл об кого споткнуться, мерзавец.

Но мерзавец внезапно оказался выше меня на две головы, если не на все три, а я ведь тоже не маленькая. В сером

изысканном костюме, с алой строчкой ручной вышивки по вороту. Какие-то нечеловеческие письмена, очень даже может быть, что и со смыслом. Тёмные, с отчётливым отливом в синеву волосы собраны в сложную причёску, а глаза...

Синие. Вполлица. С ромбовидной звёздочкой зрачка.

Нелюдь, как он есть.

– Приношу извинения, юный человек, – выговорил он на эсперанто, с акцентом, но вполне понять его было можно. – Моя вина. Недосмотрел. Не заметил вас.

А мне от этого легче, спрашивается? От извинений его дурацких – легче?!

В его могучей лапище стаканчик с кофе выглядел детской игрушкой. А не заметить меня он вполне мог, между нами как раз стояла узкая длинная кадка с развесистыми растениями.

– Выбросьте эту гадость, – с отвращением сказала я, имея в виду стаканчик. – Всё равно его содержимое уже на мне, целиком.

Турист послушно выкинул стаканчик, прицельно запустив его точнёхонько в зев урны-мусоросборника. Я поразилась меткости: попал точно в середину затянутого белой плёнкой силового поля отверстия.

Урна чавкнула, проглатывая угощение. В неё вмонтирован масс-конвертер, а полученную от утилизации мусора энергию урна передаёт в общую электрическую сеть орбитальной станции. Отличные штучки, так называемая умная

инфраструктура станции замкнутого цикла. Они появились недавно, и пока ещё слишком дорогое удовольствие. Мне пришлось делать сразу два макета: один правильный и продвинутый, другой – не превышающий заданную ЭкспоФорумом смету. Угадайте, какой мне нравился больше?

– Могу предложить... эээ... очиститель, – предложил турист, вытягивая откуда-то из кармана что-то вроде длинного белого платка.

Технологическая влажная салфетка из той же серии, что и умные мусорные урны? Отлично! Искать душ – и ещё платить за него! – мне не улыбалось совсем.

Я взяла у него салфетку, обтёрла лицо и шею, – кожу приятно пощипывало, запахло озоном.

– Волосы ещё, – виновато подсказал турист.

Я вздохнула и, следуя его указаниям, протёрла волосы. Собралась выкинуть салфетку – больше она ни на что уже не годилась, эти штуки одноразовые, потому и такие дорогие, – и вдруг обратила внимание на сиреневые разводы.

На белом. Сиреневое на белом. Нет! Только не говорите мне, что эта дрянь сожрала с моих волос с таким тщанием нанесённую на них перед поездкой краску!

Я торопливо раскрыла сумочку, выхватила оттуда таблетку голографического зеркальца, активировала его.

Не-е-ет!

Салфетка не просто смыла краску, она отбелила мне волосы напрочь! Мой естественный цвет – тёмно-русый, а в

зеркале я увидела на сиреневых прядях отменно белые полосы с желтоватым отливом. Неряшливые белые полосы! Я, когда протирала волосы, меньше всего заботилась о художественных мазках!

– Что-то не так? – с тревогой спросил галактический гость.

Я взвыла, и рассказала на всех трёх, доступных мне, матерных языках – русском, эсперанто и чинтсахе, что не так. Даже не думая о том, что, возможно, приобретаю в комплект к Ларивинтасме ещё одного врага.

Потом с размаху села обратно и разрыдалась. Сколько можно? Сколько можно уже невезение вёдрами хлебать?! Как я в таком виде появлюсь на ЭкспоФоруме? Где я здесь найду нормального парикмахера? А если и найду, где я денег на его услуги возьму?! Это же был один самых важных моментов «Лунной Полины» – образ Рименеи с сиреневыми кудрями! (популярный персонаж молодёжных развлекательных сериалов того времени, отважная девушка-звздоход из Службы изысканий – прим. автора).

Турист обошёл кадку и сел рядом напротив меня, прямо на пол, ловко поджав ноги. А теперь смотрите, он – на полу, я – на лавочке. И мне всё равно приходилось задирать голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

– У меня есть ещё салфетки, – глубокомысленно сказал он. – Можно попытаться стереть ими весь цвет... Чтобы возникло единство гармонии.

Я утёрлась, резко вдохнула, беря себя в руки, и посмотрела на его нечеловеческую моську, исполненную живого любопытства. Единство гармонии... О чём он? Какая, к чёрным дырам, гармония! Есть же разница, суперцвет, и вот эта вот... эта... эта пакля!

– Мне искренне жаль, что я причинил вам неудобство дважды, юный человек, – продолжил гость. – Я не хотел. Честно.

Не хотел он. Не хотел – так следил бы за своим кофе, разорви его печёнку!

– Мне сразу после посадки в Селеналэнде надо срочно бежать, иначе я опоздаю. У меня всё по секундам рассчитано! И вот я появлюсь перед обществом вся вот такая. Позорище полное. Все с меня ржать будут... особенно Ларивинтасме. Предупреждать же надо было!

– Я не знал, что у соукнемов такой побочный эффект, – покаянно выговорил он.

– У чего?!

– Соукнем, – гость показал мне упаковку проклятых салфеток.

Синяя такая аккуратная пачечка-палочка. Со столбиком непонятных нелюдских иероглифов.

Я положила таблетку зеркала на лавочку. Покрутила волосы так и этак. Может, можно ещё как-то спрятать среди других прядей. Хвост там. Косу.

Багаж сдала! Ни гребней, ни нормальной расчёски, ни машинки для плетения косичек, всё там, в коробах. Проклятье,

у меня даже заколки под рукой не оказалось. Это же неудобная укладка, нарочно сделанная для долгой дороги! Держаться будет несколько дней. Именно затем, чтобы не мучиться с волосами, когда ни на что времени нет.

– Простите меня, пожалуйста.

Турист никуда не ушёл, как оказалось. Сидел всё там же, смотрел всё так же. Но его слова прозвучали до того трогательно, с таким искренним раскаянием. Даже орать на него расхотелось.

Нелюдь, что с него возьмёшь! Он половины моего горя не поймёт, а на вторую половину опять салфеточки убойные свои предложит. Что у них там в составе, спрашивается. Универсальный растворитель?

Я обмерла от ужаса и подёргала себя за выцветшую прядь: а ну-ка, сейчас она отвалится! Воздействие мощной химии для волос не всегда проходит бесследно. Был уже опыт. Сверкала потом лысым черепом: оказалось, проще состричь под ноль, чем привести в порядок...

Прядь держалась крепко. Мне стало легче, но, прямо скажем, ненамного.

– А с чего вы хоть так зазевались? – спросила я недружелюбно.

Прощать его я не собиралась, вот ещё!

– Там Старая Терра на экранах, – объяснил он.

– Что, в первый раз видите?

– Да.

– И как?

– Красивая планета.

Я видела другие планеты, те, на которых жилось не в пример легче, чем у нас. Они, конечно, совсем не походили на наш замороженный насквозь шарик. Родной дом прекрасен безоговорочно, просто потому, что это – родной дом, но чужие миры, особенно благоустроенные, с тотальным климат-контролем, казались мне верхом совершенства. И даже было жаль, что для нас вся эта красота невозможна в принципе. Из-за археологического статуса и упрямства Старотерранского Совета.

– Материнский мир Человечества, – продолжал между тем турист слегка восхищённо. – Мои предки так хотели его увидеть... Что ж, теперь я смотрю на вашу родную планету не только за себя, но и за них тоже.

Я только потом поняла, какой контекст он вложил в свою фразу. Тогда – не сообразила, настолько постигшее меня несчастье выбило из колеи.

– Если вы позволите... Я бы хотел вам помочь с причёской. Моя вина, мне исправлять.

– Как вы мне поможете? – с досадой спросила я. – Вы приведёте сюда стилиста и парикмахера? И они за сорок минут до посадки вернут мне прежний вид?

– Прежний вид, скорее всего, нет, но близко к нему...

Близко к прежнему виду... Это уже интересно. Так я и сказала.

– Какой у вас рейс?

Я назвала.

– Ждите, я приду.

И ушёл. Я смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся за одним из поворотов. Потом снова стала рассматривать себя в зеркало. Тоска. Что тут можно исправить и как?

Бывает в жизни. Планируешь, последовательно идёшь к цели, не считаясь ни с какими потерями, а уже у самого финиша к тебе летит истребитель класса «обломинго». И ты стоишь... и заранее помираешь от вселенского позора, который ждёт тебя, когда ты появишься у стойки регистрации.

Я же туда впритык прибегу! Там же уже все соберутся. И все увидят. Вместо дерзкой лунной Полины вот это вот, что я сейчас в зеркале вижу... Вот тебе и чистящие салфетки. Что-то в них оказалось такое, безвредное для кожи, но смертельное для суперкраски.

К объявлению посадки мой новый знакомец ожидаемо не явился. «Сбежал от ответственности!» – мрачно подумала я. Ещё бы ему было не сбежать! Я же, дура такая, имени не спросила! Я нейросеть «Арбитраж» не вызвала! Я даже скандал не начала! Убилась своим собственным горем, да и всё. А надо было – решительно, смело и бескомпромиссно... Да тьфу! Вечно я правильный алгоритм поведения нахожу тогда, когда шаттл уже улетел и даже в GV-туннель прыгнул.

Мелькнула дурная мысль отказаться от поездки вообще.

Ну, как я там такая появлюсь, всем на посмешище?! Но я тут же вспомнила о Ларивинтасме и подумала, что вот уж кто порадует, если я не явлюсь на регистрацию. Нет уж, гентбарский ты фак закорючечкой, я приду! Драная, с полосатой причёской, но приду непременно!

Я вспомнила, как мой недруг выглядел. Прекрасно, как все они. Гентбарцы мало того, что сами по себе красивые, как эльфы из стародавних сказок докосмической эпохи, они ещё очень тщательно за собой следят. Кроме чабис, эти – солдаты и им плевать на свой внешний вид, лишь бы броня была заряжена, кулак крепок, а оружие – начищено и готово к бою в любой момент. А такие вот, как наш Рамсув и этот Лавиринтасме, кисмирув, – пижоны ещё те.

Так что мой встрёпанный вид будет бесить, как любое несовершенство. Хуже, чем есть, мне уже не будет, нечего и терять. Приеду! Успею! Запишусь. И победу... тьфу! Вырву победу из лап поганого насекомого. Посмотрю я на его кислую рожу, когда он будет награждать победителей. В победители проходит двадцать семь самых-самых проектов; мой получал высокие отметки неоднократно. Так что шансы отличные, и ни один из них я не упущу. И позлю своего врага как следует. Чтоб он от бессилия зубами скрежетал. Вот так.

Я деактивировала зеркальце, сунула его в сумочку и гордо пошла к посадочному гейту. Мне казалось, все на меня смотрят, чуть ли пальцем не показывают на мою несчастную голову, где испорченные пряди почти что светились белым

на фоне безупречно сиреневого. Пусть смотрят, пусть. Это хорошо. Привыкну заранее, чтобы не растеряться в самый ответственный момент.

Челнок до Луны не имел ничего общего с хайлайнерами дальнего следования. Там пассажиру отводится целый жилой блок, с индивидуальными удобствами. И то, дальний перелёт обычно занимает несколько дней. А тут – всего шесть часов полёта... и билеты не вип-класса.

То есть, грубо говоря, единый на всех салон, кресла располагаются блоками по два кресла в каждом, одно напротив другого. Слева – экран-имитация широкого окна, куда будет транслироваться стрим с внешней системы видеонаблюдения челнока. Сенсорная панель в подлокотнике предлагала три режима: сон, бодрствование, приват. Подставка под терминал откидывалась, удобно, можно было активировать голографический экран и заняться делом. Слева виднелся лючок со стилизованным рисунком вилки с ложкой. Ага, можно поесть, если захочется, правда, разносолов не жди, конечно же. Всё будет стандартно. Ладно, пускай. Главное, с голоду не умру.

Я села, вытянула ноги, подогнала кресло под себя. Можно будет подремать по дороге... старт только посмотрю. Как мы удаляемся от Орбитальной, как облетаем планету, чтобы выйти на курс к Луне...

Эй, а что же стоим так долго? Пора бы уже и отчаливать!

ГЛАВА 4

Внезапно ожили динамики. Мягкий женский голос уведомил о задержке отправления «по техническим причинам» на десять минут.

Десять минут – не то, чтобы критично, но прямо много. Я нервно выкатила на экран карту спринтерского забега до Башни Северной Звезды – форум будет проходить в старой части Селеналэнда, а в те времена любили давать деловым кварталам всякие пафосные названия. Впрочем, традицию город сохранил до сих пор: когда на его окраинах вырастет новое пространство, ему тотчас же, через городскую нейросеть и конкурс на лучшее название, придумывают что-то вроде «Синяя Птица», «Туманные Зори» или, демоны простора простите, «Вишнёвый Цвет».

Десять минут прошли, и я напряглась. Снова включились динамики, и я уже почти услышала «Просим всех занять свои места и включить противоперегрузочный режим»... Но нет. Опять задержка. На пять минут.

Да что такое! Почему?! Если я опоздаю из-за какого-то ведра с болтами, у которого уже на старте – технические проблемы!

Что будет, если технические проблемы возникнут в полёте, этак на середине пути, когда и до Терры и до Луны расстояние станет одинаковым, я не смогла даже подумать. Слиш-

ком уж нехороший сценарий. И если не думать о плохом, то его совершенно точно не случится...

Ехидный голос Рамсува эхом отдался в сознании так, будто у нашего управляющего был высший телепатический ранг, и он транслировал свои поучения прямо в мой мозг:

«Именно поэтому, Полина, билеты всегда покупаются заранее-не-е! Не затем, чтобы кому-то насолить, а для того, чтобы внезапные неожиданности не сбили с курса в самый последний момент!»

Пустое кресло напротив меня внезапно кто-то занял. А и то, все билеты были раскуплены заранее, даже на такой сомнительный класс, значит, челнок просто ждал опоздавшего! Технические проблемы, ха!

И точно: включились динамики «займите свои места...»

Слава богу, отлепились мы наконец-то от причала! Может быть, я не опоздаю. По времени выходило, что пока успеваю.

Но когда маневры около Орбитальной закончились, челнок лёг на курс к Луне и защитное поле втянулось обратно, открывая мне прекрасный вид на соседа-растяпу... Я потеряла дар речи, и какое-то время хлопала ртом, как выброшенная на берег рыба!

– Вы! – только и смогла я из себя выдавить.

Тот самый шароглазый неудачник, обливший меня кофе! А потом давший мне те мерзкие салфетки, как он их там назвал, уже не вспомнить. Короче, тот, благодаря которому великолепная Лунная Полина улеглась в гробик, закрыла

крышку и забила ту крышку изнутри гвоздями.

– Я, – лучезарно улыбнулся он мне. – Мне удалось поменять билеты в самый последний момент...

– Что-о?! – я даже заикаться начала от гнева.

То есть, задержка рейса – целиком и полностью на его совести! Бонус к кофе и пакле вместо красивейших, изысканнейших кудрей Лунной Полины.

Он поднял вверх ладони примирительным жестом:

– Я всё равно должен был лететь на Луну в самое ближайшее время, поэтому абсолютно не надо переживать за меня, юный человек.

– В мыслях не было переживать за вас, – мстительно заявила я. – Я о вас уже забыла!

– И об испорченной причёске вы тоже забыли? – невинно поинтересовался он.

– Не напоминайте, – злобно высказалась я. – Хотите жить – даже не напоминайте!

– Это угроза? – спросил турист серьёзно, но в его синих гляделках плескалась насмешка.

А я вдруг заметила нож у него на поясе. Такой, знаете, кинжалище с гнутой рукоятью и голографической идеограммой в торце. Этот-то рисуночек и послал мне в глаз внезапно колкую искру. Если бы я ещё умела читать на языке этой расы! Ну, или хотя бы знала про основные их родовые знаки. А так ничего в моей пустой головёшке не отразилось и не дёрнулось. И не пришло туда хотя бы информ посмотреть.

Тогда – не пришло, а потом – стало некогда, и так оно и не провертелось до самого последнего момента.

– У вас при себе нет даже ножа, – продолжил сосед, улыбаясь. – Как вы меня убивать собираетесь?

– Вам это важно? – окрысилась я.

– Очень. Какие-то же корни у вашей самоуверенности есть? Не может же быть, чтобы вы угрожали на пустом месте, без оснований!

Я смерила его взглядом. Здоровый! Лапищи вон какие. Ну, мужик, что тут скажешь. И ещё нож этот... Явно не для красоты прицепленный, вон какие ножны потёртые...

Ничего! У меня найдётся чем ему ответить! И на его кулаки размером с моё бедро, и на его стальной ковыряльник на поясе, и на этот насмешливый взгляд!

Я медленно сжала кулак, и вокруг него соткалось рыжее пламя паранормы. До бойцов мне далеко, всё-таки я экспериментальный образец, и мама делала упор не на мощь, а на какие-то качественные штуки, вроде улучшения самоконтроля при приступах гнева, например. Но каким бы ни был низким мой индекс Гаманина по сравнению с настоящими военными, поджариться можно и на слабом огне. Потому что это огонь, а не сливочное мороженое!

– Аргумент, – признал турист с уважением. – Можете называть меня Ириз. Такое имя.

– Оно не ваше? – с подозрением спросила я. – Придуманное только что для меня?

Я читала, что у таких, как он, с именами всё сложно. Точнее, с тем, кому эти имена можно называть, и кто имеет право ими пользоваться.

– Как бы сказать... Моё. Придумано давно. Для друзей. Но это не... как это... не полное имя... Не по паспорту. То имя вам пока лучше не знать, юный человек.

Я дунула на кулак и пламя исчезло. Никого поджаривать я, разумеется, не собиралась. Это было так... фигура речи. И показать, что голыми руками меня не возьмёшь, бери шипцы. Если успеешь.

– Тогда и вы зовите меня по имени, – буркнула я и назвалась: – Полина.

Прозвища у меня не было, точнее, братья частенько обзывали поленом, но не буду же я обидную детскую кличку озвучивать! Ха, не дождётесь.

Вот только Полину он выговорить не смог.

– Я не полено! – взвыла я в отчаянии после того, как Ириз попытался повторить моё имя.

Да что ж такое! Братья достали, теперь этот будет называть так же!

– Я не пол, – вторая попытка оказалась не лучше первой. – По полу ногами ходят! – Поул – на паука похоже, нате вам экран из информа, посмотрите, что это за твари! Может, по фамилии тогда уже? Жарова!

Но Жарова оказалось для него совсем за пределами.

– Я не шар. И не шур. И не шрув! Вот вы бестолочь, а?

Такое простое имя выговорить не можете. А ещё с ножом.

– Колючка, – добродушно посмеиваясь, сказал Ириз. – Поуленн.

Я сдалась. Пусть будет Поуленн. Лучше шара и полена, в любом случае.

– Вы пока отдохните, – посоветовал мне турист. – Поспите. Я разбужу вас за час до прибытия.

– Зачем? – подозрительно спросила я.

– Зачем спать? Отдохнуть надо. У вас ведь важное мероприятие, на которое вы боитесь опоздать...

– Откуда вы знаете, что я боюсь опоздать? – задохнулась я от возмущения. – Вы что, следите за мной? Ещё не хватало! Сначала волосы из-за вас в утиль пошли, теперь ещё и слежка...

Я его не простила. И прощать не собиралась. Вот ещё! А он, похоже, всерьёз подумал, что со мной уже договорился. Ха!

– Поуленн, прошу вас, – он изящно прикоснулся пальцами к виску жестом «ах, не говори глупост!». – Вы громко и совсем не изящно выражались вслух по поводу своего грядущего опоздания, когда я подошёл к своему месту. Я опознал гентбарский чинтсах и, кажется, русский. Не говоря уже об эсперанто...

– И вы стояли спокойно и слушали? – поразила я.

Любой бы уже сделал замечание. Я-то думала, меня никто не слышит. Эти боксы на два места в салоне прекрасно глу-

шат звук, и привата не надобно. Соседи совершенно точно не слышали, иначе давно бы поставили мне на вид. А этот... этот... подошёл и слушал и ничего сказала!

– У вас проскальзывали в речи интересные обороты, – обстоятельно объяснил Ириз. – Я даже несколько новых конструкций узнал. И вот, чисто с физиологической точки зрения, как это может быть, объясните, пожалуйста...

И тут он на голубом глазу выдаёт «конструкцию». Почти правильно, только звук «ж» не выговаривает совсем, «шоп-па», например, – звучит просто песней, и ещё ударения не везде верно ставит.

Я почувствовала, как у меня горят уши. Буквально горят, такая у меня особенность. Когда стыдно или неловко или ещё как-то не по себе, по ушам начинает гулять пламя паранормы.

– Не вздумайте это где-нибудь повторить, – посоветовала я. – Особенно при девушках.

– Почему?

– Неприлично потому что.

– Почему неприлично повторять при девушке то, что она сама не так давно произносила?

– Неважно, произносила или нет. Неприлично, и всё. Нехорошо подслушивать!

Я потёрла ладонями уши, пытаюсь согнать с них проклятое пламя.

– Если вы не хотите, чтобы вас слушали, то не произно-

сите вслух, разве не так?

Вот же... репейник. Прицепился. А из челнока на полдороге не высигнешь, пешком до Луны не побежишь. Но возразить мне было нечем. Могла не материться? В общественном месте! Скажи спасибо, что турист в «Арбитраж» не сунулся, наказывать за хулиганство. Потому что obscene лексика на публику – это штраф, штраф и штраф, в зависимости от настроения услышавшего. А у меня и так на моём счету – яхты покупать некуда. Сарказм.

– Кажется, мне действительно нужно сейчас отдохнуть, – свернула я тему по-быстрому. – Прошу прощения.

Он улыбнулся, понимающе так. Чем снова взбесил: да он же нарочно отправлял меня спать, чтобы... не знаю... чтобы своими делами заняться, что ли... Р-р-р! Но я не стала развивать тему, помнила о штрафах за матюки. И потому активировала защитное поле и перевела кресло в режим для сна. Прежде, чем пространство вокруг меня замерцало и потеряло прозрачность, я успела увидеть, как Ириз активировал голографический экран своего терминала. Там мелькнуло что-то знакомое, но что именно, я распознать не смогла. И не приват же теперь убирать, чтобы спросить!

Я думала, я не усну ни за что. Мучили раздражение на попутчика и обида за прекрасные сиреневые кудри, местами превратившиеся в некреативную уродливую паклю. Но нет, веки отяжелели почти сразу же. И я сама не заметила, как провалилась в глубокий сон.

Я очнулась, когда в окне-экране уже показывали Луну. Далековато: в правом верхнем углу бежали строчки информации: расстояние, время подлёта, время манёвра, стыковка... Я нервно сличила окончание стыковки со своим планом безумного забега к месту регистрации. В резерве – пять минут. Максимум. Страшненько. Проморозило по позвоночнику до самых пяток. Что такое пять минут? Да практически ничего...

Кажется, я опоздала. Фатально опоздала. Лабиринтасме будет плясать от счастья.

Паранорма невезения, как она есть.

– Паранорма невезения – это местный, старотерранский, фольклор, – живо прокомментировал сорвавшуюся с моих губ фразу отчаяния сосед. – Такой паранормы не существует. Я узнавал у генетиков.

– Я – экспериментальный образец, – желчно заявила я. – На меня всё время все шишки валятся... а документировать всё это никто не хочет. Кому оно надо, признаваться в своих неудачах...

– Вы слишком легко впадаете в отчаяние, Поуленн, – заявил Ириз. – Позвольте мне помочь вам? Всё же я виноват перед вами.

– Как вы мне поможете? – горько спросила я.

– Для начала – ваши волосы.

– Сбрить налысо?

– Зачем же? Вы, как я понимаю, поклонник игрового се-

риала о Раменее, верно?

Сказать, что у меня вытаращились глаза, значило ничего не сказать. Они не просто вытаращились, они из орбит выскочили и на ниточках нервов повисли – такое, по крайней мере, возникло у меня ощущения.

– Вы что, телепат, Ириз?!

– Нет, откуда мне... У моего народа коэффициент эмпатии самый низкий из всех рас Галактики. Телепатия для нас невозможна... почти... а жаль. Очень любопытный способ коммуникации. Просто я видел на панелях в зале ожидания... как это... ре-кла-му. Да, рекламу. Семьдесят седьмой сезон.

Да, я тоже видела рекламу. Её воткнули везде, где только могли, и там, где не могли – тоже. Я злобно скрежетала зубами каждый раз, когда семьдесят седьмой сезон звёздной охотницы попадался на глаза или его реклама начинала шептать в уши: новые сезоны всегда платные. Цена опускается вдвое через год после выхода, а через два – доступ становится открытым для всех. Такие порядки. Приобрести новый сезон я, сами понимаете, в нынешнем своём безденежном статусе позволить себе не могла. Финал конкурса был важнее.

– Пока вы спали, я посмотрел...

Что? Нелюдь не уставал меня удивлять. «Раменей» – подростковый сериал, и считается, что в восемнадцать лет смотреть его уже как-то ни к чему. Подружки зубоскалили вовсю.

А что делать, если я на нём выросла и хочу узнать наконец-то финал этой грандиозной истории? Кроме того, я уверена была, что подружки тоже его смотрели, тайком. Просто хотели казаться настоящими взрослыми и потому не признавались.

А тут – взрослый мужчина... пускай нечеловек... и посмотрел...

– Любопытная история, – объяснил Ириз свой интерес к развлекалке. – Вот в сорок седьмом эпизоде Раменея возвращается из пространственно-временной аномалии как раз с седой прядью в гриве, и все гадают, у неё паранормальный срыв или седина проступила в результате душевных переживаний...

И он что сделал, вы не поверите. Он вывел на экран стоп-кадр, а сам экран расширил в масштаб один к одному. Так что Раменея встала между нами в полный рост как живая. Только слабое мерцание по контуру выдавало в ней голограмму.

– Видите? У неё седая прядь у виска как раз заплетена в косичку. Вам тоже нужно сделать так же, Поулени. И все решат, что это – изначальная задумка, потому что семьдесят седьмой сезон уже поступил в доступ. Его уже смотрят несколько десятков дней... цитируемость и узнаваемость продолжают расти.

– В этом что-то есть... – признала я неохотно.

Ириз убрал голограмму.

– Прекрасно. Плетите косичку. Я отвернусь...

Я полезла в сумочку за таблеткой голографического зеркала и расчёской. А потом так и замерла, испытав чернейшее отчаяние.

– Что-то не так?

– А чем я её закреплю? – упавшим голосом ответила я. – Косичку. Она же не будет держаться, распадётся, а мне бежать сломя голову...

Волосы у меня густые и прямые, чтобы завить их в кудри, стилисту пришлось постараться от души, но они даже в кудрявом виде для косичек не годились. Скользкие – из-за обработки! – гладкие на ощупь, тяжёлые. Ничего не получится.

– Хм, – Ириз надолго задумался.

Потом его лицо вдруг осветилось радостным светом: нашёл.

– Любая проблема имеет решение, Поулени, – заявил он. – Я дам вам крепёж для косички, не переживайте. У меня их, своих, много, одним меньше...

Только сейчас я заметила, что у него длинные волосы. Просто они собраны в такую хитровывернутую причёску, что казалось, будто волосы – короткие. И да, прядь у виска тоже имелась. Не такая пышная, как у Раменеи, но...

– Плетите косичку, Поулени. Не переживайте.

И я заплела косу, скрепила её верёвочкой с нанизанной на неё деревянной побрякушкой – сложным образом переплетённый знак, похожий на тот, что вытравлен был на рукояти клинка Ириза. Дерево на ощупь оказалось неожиданно тёп-

лым, и пахло чужим солнцем – не берусь объяснить, но впечатление от слабого аромата создалось именно таким!

Лунная Полина была спасена!

Теперь на регистрацию бы не опоздать.

Едва челнок пристыковался и дали разрешение на выход, я сорвалась бежать. Багаж пришлют в арендованные мною апартаменты автоматически, о нём можно было не беспокоиться. Доставку я оплатила ещё дома, эх, траты, траты. Я бежала, образно выражаясь, высунув язык, чтобы успеть на транспорт, а потом с того транспорта – пересесть на другой транспорт... И вдруг сообразила, что забыла поблагодарить своего странного попутчика.

Я аж остановилась, наплевав на горящее время.

Растяпа ты, Полено, вот что. Даже визит у него не взяла. Как ты его теперь найдёшь? В Селеналэнде-то, городе-миллиарднике, чьё население под Новый Год увеличивалось едва ли не втрое – за счёт транзитников и туристов, намерено прилетевших на праздник именно сюда.

Паранорма невезения.

Обидно, аж слёзы выступили.

«А теперь ещё опоздай на регистрацию, – ехидно посоветовал внутренний голос. – Подсласти своему врагу день!»

Я тряхнула головой – уши горели! – и побежала дальше. Успела в самый последний момент!

Вот буквально. Табло отсчитывало тридцать секунд до рокового отбоя, когда я сунула свой ай-ди в щель регистратора.

И был миг, в который я не жила – проклятый приёмник перемигивался красным светом, думая, принимать мою заявку или злобно отклонить её.

Принял.

Уфф, камень с души.

Я упёрла ладони в колени, восстанавливая дыхание. И то, бежала как сумасшедшая. На физподготовке у нашего командира по спортивной части так не бегала, хотя тот любил попугать электрошокером. Никому, насколько я помнила, никогда разряда не доставалось в жизни, но проверять, не станешь ли первым, никому не хотелось: удваивали усилия.

Как я его любила сейчас, кто бы знал! За все его придирки, колкости, обзывалки. За то, что всё-таки научил бегать быстро.

– Добро пожаловать на финал конкурса, Жарова, – раздался неприятный голос.

Я разогнулась. Ларивинтасме собственной персоной. Спесивый надутый жбан, рожа кислая – я ведь успела, а он наверняка надеялся, что опоздаю! В прекрасных гентбарских глазках – осуждение. Может, ещё и поставил на моё опоздание, как знать. И проспорил. Что ему теперь, кучу денег отдавать или орать дурниной из-под стола? На что он там с приятелями своими спорил-то...

– Позвольте личный вопрос? – елейным голоском спросил гентбарец.

ГЛАВА 5

Я должна говорить по делу, только по делу, вежливо, ровно, желательно улыбаясь, напомнила я сама себе.

– Спрашивайте.

– Откуда у вас это... кхм... украшение?

И показал на косичку Раменеи, гад.

– А вам зачем? – угрюмо и, боюсь, не очень-то вежливо спросила я.

Ещё про Ириза ему рассказывать... Много хочет.

– Понятно. Вы со всей своей человеческой дури связались с мужчиной оль-лейран. Похвально, Жарова. О лучшем я даже мечтать не мог.

Я заскрежетала зубами, но промолчала. Слово же дала! Ах, как мне убить хотелось гада. Но...

– В чём подвох? – прямо спросила я, решив отбросить гордость.

неспроста же Ларивинтасме так радостно мне улыбается. Мой, на минуточку, враг! Если ему хорошо, то это означает только одно – мне плохо. А в чём плохо-то? Что такого плохого в случайном знакомстве, которое я к тому же умудрилась не сберечь?

– Ни в чём, – мой ненавистник улыбнулся ещё раз и так счастливо, что я убедилась окончательно: мне не жить. – Пройдите на своё место, Жарова. Сейчас будет общий блок,

потом распределение участников. Будьте внимательны, пожалуйста. А не как всегда.

И удалился, поганец. Я скорчила ему вслед рожу, потом долго смотрела ему в спину, на его роскошную косу, заплетённую широкой «лесенкой», а уж сколько бирюлек из золота он туда нацепил... Кисмирув как наши сороки, любят всё блестящее и яркое, да ещё исполненное самими лучшими мастерами, и наш Рамсув, кстати, не исключение, но Ларивинтасме превзошёл всех, до сих пор мною виденных. Как он ещё не гнётся под весом своих украшений...

К слову, крылатые гентбарцы, высшая элита их общества, наоборот, практически никаких украшений не носят, и можно понять: лишний вес – тяжелее взлететь. Они и так крупноваты для летающих при стандартной гравитации существ. Я вспомнила коэффициент на их родной планете, Гентанасбариве – сила тяжести даже больше, чем у нас на Старой Терре, одна целая две сотых. Ощутимо, надо думать. Поэтому крылатые такие мелкие. Мельче бескрылых на голову или даже две.

Но это я отвлеклась.

Дежурные речи, общие вступительные слова... бла-бла-бла... Ларивинтасме вылез в центр и излился пафосом про молодёжь, будущее Галактики, при этом настолько выразительно посматривал на меня, что я в полной мере ощутила себя не галактическими будущим, а галактической канализацией.

Терпим. Стискиваем зубы и терпим. Дальше нам раздали кейс и рекламные места. Рекламу для своих проектов должны были создать и настроить мы сами. То есть, сам-то рекламный пакет давно уже был готов. Его требовалось только развернуть на выделенном месте.

Место – 509А... технические характеристики... модуль приёма... движки для демонстрации голограмм... Вроде на уровне всё, не допотопщина.

Но я-то до последнего ждала пакости! Ларивинтасме просто не мог удержаться. Уверена, он что-то этакое вытворил. В правилах конкурса, такое, к чему не придерёшься, зато прекрасно видно, что это – именно месть, а не что-то рандомное, из-за несварения желудка.

Пока распознать пакость не удавалось. Ладно, разберёмся позже...

Я в задумчивости тронула вплетённую в косу фитюльку, подарок Ириза. Вспомнила его невероятные, нечеловеческие синие глаза и зрачок ромбовидной звёздочкой. Он интересный, Ириз. Вот так, с ударением на первую «и» – Ириз. Прозвище, он сказал. Для друзей. Значит, посчитал меня другом. Если вычеркнуть пролитый кофе и испорченные волосы, звучит неплохо.

– Какие-то проблемы, Жарова? – Ларивинтасме возник рядом со мной буквально из ниоткуда.

Я подняла на него взгляд. Я сидела уровнем ниже, и это позволило врагу смотреть на меня сверху вниз.

– Никаких, – ответила я.

У него такая интересная мина сразу же сделалась. Как будто я его под дулом «костерка»* накормила какой-то гадо-стью.

– Вы уверены? – всё же уточнило поганое насекомое. – Точно – никаких?

– Абсолютно, – заверила я его, и лучезарно, во все зубы, улыбнулась.

– Ну, смотрите. Если что, – обращайтесь.

*«костерок» – модель гражданского мини-плазмогана, разрешённая к ношению на космических станциях и улицах городов замкнутого цикла.

С чего ж такая щедрость, мой дорогой. обращайтесь! Да я застрелюсь раньше, чем мне этакая тупая мысль в голову придёт. обращайтесь. Щас. Уже. Но вслух я сказала вежливым голосом пай-девочки:

– Конечно, обращусь. Спасибо.

Ларивинтасме превратился в огромный знак вопроса, аж нос заострился. Я видела, что его просто распирает устроить мне допрос. И вдруг внезапно поняла, что имел в виду Рамсув, запрещая мне с врагами в голос ссориться!

Чувство оказалось щемяще-сладким, как ванильное мороженное с огоньком в детстве. Оказывается, спокойный

уравновешенный тон и предельная вежливость – отличное оружие. Им можно звездануть супостата по лбу похлеще, чем чёрным словом.

Хотя, между нами говоря, я попросту не понимала, о каких проблемах распорядитель говорит. Я ещё не вникала толком в кейс, решила, что займусь им, когда вернусь к себе. И уж там-то, в тишине и спокойствии, после вечерней порции всё рассмотрю и начну думать над решением. А то в челноке поесть удалось только за час до стыковки, и что там по самому дешёвому билету полагалось, – чистые слёзы. Живот поджимало от голода не на шутку.

– Ну-ну, – зловеще покивал мне гентбарец.

С тем мы и расстались.

Я вызвала на экран карту маршрута к моим, с позволения сказать, апартаментам. Что добираться часа полтора, не новость. Что почти служебная зона, – почти, в настоящие служебные не так-то просто пробраться, – тоже известно. Берём себя в руки и едем. Надо активировать жилой блок до условной полуночи, иначе бронь снимется. И на неё тут же найдутся очереди желающих. Впереди предпраздничная неделя, лунный город забит под самый купол туристами и транзитниками со всей Галактики.

Добралась я без приключений. Апарт-отель представлял собой типичное для почти промзоны заведение: полностью автоматическое. С индивидуальным коридором к роскошному (нет) номеру.

Я активировала купон. Магнитный замок бесшумно сработал, двери раскрылись, и я с размаху влетела носом в стену! Я настолько не ожидала, что за дверью окажется стена, что всё равно попыталась сделать шаг, не обращая внимания на боль в ушибленном носу.

А потом до меня дошло.

Короба.

Ну да, тщательно упакованные ещё дома коробка проекта «Лунная Полина». Пять штук. Пять габаритных штук от потолка до пола! Они заняли весь крохотный холл, и пришлось пробираться боком вдоль стеночки, чтобы попасть в комнату – через узенький, оптимизированный для более чем скромного пространства, кухонный уголок.

Санузел представлял из себя просто площадку в полметра диаметром: никакой воды, на неё в Селеналэнде лимит, особенно, если денег мало. Становись в центр и освежайся акустикой... Бррр!

Я ожидала стеснённого положения, но чтоб настолько! Чтобы даже ванну не принять! Пусть даже по лимиту и один раз в сутки, но всё-таки ванну, а не вот это вот!

Комната большими размерами тоже похвастаться не могла. Если активировать спальное место, оно заполнит собой почти всё доступное пространство. Ниша возле изголовья, экран на стене в ногах: хочешь, развлекалку смотри, хочешь – стрим с поверхности Луны пусти. Можешь какие-нибудь космические пейзажи и релакс-музыку... На экран не поску-

пились, и даже опция голографического отображения присутствует. Не пять дэ, чтобы по всем органам чувств прошлось, вместе с обонянием и тактильными ощущениями, но иллюзия присутствия получилась очень высокого качества.

Я выключила экран, присела на краешек кровати.

Короба в крохотном холле. Они казались чем-то абсолютно чужеродным и ненужным. А главное, я их даже разобрать-то как следует не смогу – нет здесь нормальных мест хранения! Ни встроенного шкафа, ни арок, ни ниш – ничего. Так, смех сквозь слёзы, штанга для одежды, на пять-шесть костюмов, включая спальный.

И в камеру хранения я не сдам, аренда ячейки на две недели – сказать, сколько стоит? Правильно. Столько, сколько у меня сейчас нет! При скромном, в общем-то, ценнике.

И добраться я просто так ни в один короб не смогу: они до потолка стоят! Нужна лестница или хотя бы уж антиграв. Кроме того, я уверена, в самом верхнем коробе будет что угодно, только не то, что мне нужно прямо вот сейчас: домашняя одежда, спальная пижама и тапочки. Ещё шампуни же я с собой брала! Шарик пены для ванны... ну эти точно не понадобятся, в акустическом душе-то. Я встала и поплелась на кухонный блок.

А там, о счастье, обнаружился комплект отельной одежды. Туника и мягкие брюки оказались слегка великоваты и противного желтоватого оттенка, а вот спальная сорочка была поистине неистовых размеров. Как в ней спать-то... На-

деюсь, тут хоть на тепло лимита нет?

На тепло лимита не было, равно как и на еду – ну, понятно, еда же из синтезатора, ни грамма ничего естественного. За естественным, привезённым из других мест или же произведённым здесь же, в гидропонных блоках, топайте, господа хорошие, в общественную столовую, а то и вовсе в ресторан. И платите.

Ууу. Ладно, рестораны на крышах самого красивого города ближайшего Внеземелья у меня ещё будут. Как-нибудь переживу. Сейчас самое важное – не облажаться с проектом. Найти десять, нет, пятнадцать заказчиков! Получить аванс, подписать авторский договор. Премию чтоб Ларивинтасме мне собственной персоной вручал. А я бы на него улыбалась благосклонно с пьедестала победителя! Достойная будет месть.

Я наскоро поела, вернулась в комнату, плюхнулась на кровать и активировала голографический экран терминала.

Когда идёшь по старому, скользкому от влаги, бревну над пропастью – просто потому, что тебе лень спускаться вниз, переходить ледяную речушку вброд, а потом подниматься обратно... Так вот, когда на том бревне внезапно поскальзываешься и валишься вниз, а руки пытаются уцепиться, но скользят по мокрой обомшелой коре, скользят, скользят, хватаются за первое, что попало – какой-то сухой сучок, и он с треском обламывается. И последнее, что ты помнишь перед свиданием с семейным врачом, обидный полёт вниз и

ужас в мечущихся пустых мыслях: мама не похвалит...

Так вот, всё это цветочки по сравнению с тем, что получила сейчас я, глядя в экран, показывающий мне моё рекламное место на физической лунной карте.

Место – 509А

В епе... прошу прощения, в самом тупике! С разворотом на Старую Терру.

На Старую Терру!!! Как будто у нас на Старой Терре позарез нужны всем космические станции. Прямо все градоправители спят и видят, как бы им на окраинах вверенных им территорий насадить космические станции. Частоколом. Низачем, просто так, чтобы было!

Ни один галактический турист мою рекламу не увидит. Весь поток прибывающих на Луну потенциальных заказчиков проходит с другой стороны рекламного кластера! С внешней!

Сволочь Лавиринтасме.

А-а-а-а-а!

По правилам форума места распределяются по порядку, от первого номера к последнему. Оспаривать очередность крайне не рекомендуется, под угрозой дисквалификации на пять лет. Ха-ха, что бы уже не пожизненной. Ведь через пять лет мне будет уже двадцать три года, и участвовать в «Больших Вызовах» я уже при всём желании не смогу. Не пройду предмодерацию по возрасту. Это же для перспективной молодёжи, а в двадцать три я буду уже старуха.

А-а-а-а-а!

Вот он, гад, почему спрашивал, есть ли у меня какие-то проблемы! Он ждал, что я взорвусь и выскажу ему всё, что думаю! Блин, да я скажу всё, что думаю, прямо сейчас, и плевать мне, и наплевать мне на всё!

Из мелкой, подлой, мелочной мести!

Вот в чём заключалась интрига моего исключения из списка, шарахнуло меня новым ужасом осознания. Ларивинтасме даже не думал выкидывать меня из финала. Слишком большой скандал мог бы из этого получиться. А так ... ой, технический сбой, ой, ошибка, приношу извинения, ой, штрафы? Да, конечно, мой недосмотр, моя вина... И улыбочка под глазками, скромно упёртыми в пол.

А я вместо пятого места оказалась в хвосте. И получила тухляк в виде абсолютно не проходного именно для моего проекта рекламного места. У тех, чьи работы ориентированы на производства Старой Терры шансы были бы прекрасными. А у меня – ноль, дырка от бублика.

А-а-а-а-а!

Не знаю, я бы долго так орала, наверное. А потом набрала бы Ларивинтасме и обложила бы его всякими органами на всех трёх доступных мне языках.

Но мне на терминал внезапно пришёл вызов. Неопознанный: на маму, Рамсува, подружек стоят знакомые мелодии, а тут стандартный «тириньк-тириньк». Кому бы вздумалось?

Хорошо бы Ларивинтасме! Ух, я ему скажу!

ГЛАВА 6

Я замолчала только тогда, когда обнаружила, что повторяюсь. А ещё насторожила тишина. Ларивинтасме должен был уже возмутиться и отключиться, после чего на мой терминал посыпались бы уведомления о новых штрафах за оскорбления личности, лавиной, а он молчал – вообще на него не похоже.

Меня продрало испугом: а вдруг это и не Ларивинтасме вовсе?!

Я зажмурилась, настолько страшно оказалось взглянуть на голографический экран. Кого же я сейчас обложила ни за что?!

– Почему вы замолчали, Поуленн? – с живым любопытством спросил знакомый до дрожи голос. – Я вас внимательно слушаю.

У меня снова загорелись уши, я прижала их ладонями – не помогло: пламя проступило сквозь ладони. Пирокинез, что вы с ним сделаете! Как бы мне своё жильё не подпалить. Во-первых, штрафы. Опять. Во-вторых, в горелом жить. Это – стандартный модуль. С меня, конечно, содрали пожарную страховку в полуторном размере стоимости проживания, – настоящая дискриминация по паранорме, я считаю. Вот только Рамсув велел не выёживаться, а заплатить без звука. Ну, нашему управляющему виднее, его советы ми-

мо ушей пропускать – себе потом дороже будет, плавали, знаем.

– Я это... ну... того... я всё это не вам, Ириз! – заикаясь, объяснила я.

– Я понял. А вот подскажите, пожалуйста, как это – «шопушаром»... Физиологически, разумеется. Ведь предмет вашей милой ненависти – гентбарец-кисмирув, а строение их выделительной системы...

– Ириз, – сгорая со стыда, в том числе и буквально, простонала я, – не надо, пожалуйста!

– Почему?

Он не издевался. Ему действительно было любопытно. Ну, что я могла ответить?!

– Это идиома такая. Она не учитывает биологию. И именно поэтому очень обидная.

– То есть, данная словесная конструкция предназначена не для физического исполнения. Ею наносят моральную травму. Верно?

– Да... Послушайте, как вы мой визит-то нашли? Я вам его не давала!

– Всё просто, – улыбнулся Ириз. – Вы упомянули о финале конкурса, и о том, что главный там – гентбарец-кисмирув. Таких конкурсов нашлось восемь. Я дал команду поисковой нейросети найти участника по описанию.

Да... куда уж проще. Ведь визит для связи надо было обязательно опубликовать для открытого доступа, это было од-

ним из условий участия. Кто не желал давать свой личный контакт, заводили разовый, под конкурс, но его всё равно следовало идентифицировать. И платить аренду, потому что бесплатно верифицированный визит предоставляется только один, всё остальное – за свой счёт. Ну, а какой мощный (нет!) у меня счёт, объяснять долго не надо.

– Собственно, почему я решил обратиться к вам. Может быть, вы покажете мне город? Я здесь впервые... Разумеется, не тогда, когда вы заняты, Поулени. Вашей работе на финале конкурса я мешать не намерен.

А почему бы не показать ему город, собственно! Я Селеналэнд знаю не то, чтобы хорошо, но по-всякому лучше, чем гость из галактики. Вот только закрутившиеся в голове планы походов пришлось очень сильно скорректировать в сторону «бесплатные и супербюджетные». Не хватало ещё, чтобы за меня платил Ириз! Хотя вот уж у кого со счётом всё в порядке, можно не сомневаться.

– Хорошо, – ответила я. – Покажу.

– Мы можем встретиться сегодня? Завтра у вас, кажется, уже не будет времени...

– Конечно!

Он не помнил мои ругачки, какое счастье! И даже не думал подавать иск за оскорбление личности. Ох, Полька, прав Рамсув, держи ж ты язык свой бескостный за зубами! Если бы на месте Ириза оказался Ларивинтасме? Я со всей силой осознала, как мне невероятно повезло.

Даже дважды повезло. Проблем избежала и Ириз нашёл-ся. Похоже, безденежную поездку под праздник на Луну ещё можно было спасти.

Мы договорились, где встретиться: рекреационная зона «Жёлтые Ёжики». Почему ёжик, да ещё и жёлтый? Специфика местного менталитета. Лунные жители обожают самые чудные названия, какие только могут придумать. Хотя не удивлюсь, если в той зоне действительно живут настоящие живые ёжики, да ещё и жёлтые, то есть, генетические модификанты.

Регулировка биосферы – отдельная тема в городах и станциях закрытого типа. Снаружи – агрессивная среда или вообще атмосферы нет, как на Луне или в открытом космосе. Вот инженеры-биологи и стараются обеспечивать баланс. И если во имя баланса нужно завести жёлтых ёжиков, то в рекреационной зоне появятся жёлтые ёжики. Ещё и в качестве психологической разгрузки: смешное, забавное зверьё любят все, независимо от происхождения и расы.

Я посмотрела по карте, где эти «Ёжики» находятся. Не так уж и близко, в смысле, пешком не добраться. А времени опять оказалось мало. Ладно, сейчас соберусь... эх, до коробов не добраться! Как бы мне пригодились вещи оттуда!

Но я даже не помнила точно, в каком из них что именно лежало! Да, я знаю, надо было составлять списки, но какая ж это мука и скука, писать всю эту тоску... я помнила, как решила, будто ничего не забуду. А вот. Забыла. Обидно!

Ладно, подумаем о коробах позже. Что-нибудь да придёт в голову! Не может не придти. Я инженер или кто? Пока мой дорожный наряд сойдёт, всё равно нечего больше надеть. Он прекрасно освежился в акустическом душе, кстати. Быстро и качественно. И только начав переодеваться я вдруг заметила, что моя домашняя туника разошлась по шву.

Не то, чтобы прямо до пупа. И не так, что весь топ прямо наружу. Но открылось слишком много для разговора по голографической связи. Мне теперь стал понятен смысл задумчивых взглядов Ириза, когда он отводил глаза от моего лица.

Да он откровенно и с наслаждением пялился!

Р-р-р!

Ларивинтасме – кисмирув, ему без разницы, у него органов размножения попросту нет, и с самого начала не было. Бескрылые гентбарцы все такие, чтоб им, насекомым, лопнуть, всем вместе и поодиночке в отдельности! Поэтому я и приняла вызов, не озаботившись проверкой собственного внешнего вида.

А Ириз просто пялился. Он-то не насекомое, а такой же теплокровный млекопитающий... тьфу... ну вы поняли! В общем, пялился вовсю, гад, и ничего мне не сказал. Ещё бы!

Самое обидное, что зло оказалось абсолютно не на ком сорвать. Не на себе же его срывать, в самом-то деле. И жильё подпаливать тоже не самая лучшая идея. Штрафы. И две недели в палёном жить.

Я переоделась, тщательно проверила, так сказать, упаковку, протиснулась между коробами и стеночкой и отправилась в «Жёлтые Ёжики».

В лунных городах и поселениях смена суток для деловой жизни установлена стандартная, 24 часа, и совпадает с главным городом Старой Терры, Санкт-Петербургом. Астрономические сутки на Луне составляют двадцать восемь дней. Периодически проходят шикарные солнечные затмения, и одно ожидалось над Селеналэндом совсем скоро. Можно будет посмотреть. Например, совмещая приятное с полезным – обслуживание своего рекламного участка и любование грандиозным зрелищем. То есть, сначала график надо посмотреть, вдруг затмение пройдёт не там...

«Жёлтые Ёжики» встретили мягким рассеянным светом – по внутреннему циклу рекреационного блока как раз начинался вечер. Растениям, даже и модифицированным, всё равно нужна для нормального роста смена светового режима, как ни крути. Можно, конечно, завести инопланетную экзотику, которая живёт совсем по другим биоритмам, и где-нибудь в других городах Лунного округа наверняка она была. Но Селеналэнд – это символ и золотое наследие Человечества. Город был основан, шутка ли, почти восемь веков назад, когда Человечество ещё не вырвалось за пределы Сол-

нечной Системы. А потом город остался предоставлен сам себе и выживал, как мог. Пока Старая Терра не выбралась из кризиса и не приступила к космическим программам снова.

Всё это легко находится в информе, но Иризу пришлось рассказать своими словами. Что-то я помнила, за чем-то приходилось лезть в поисковую нейросеть. А самое главное, он же меня слушал, Ириз!

Очень внимательно слушал. И спрашивал так, что сразу было понятно: ему интересно, действительно интересно то, о чём я говорю! А не так, что в одно ухо влетело, в другое тут же и вылетело, потому что глаза не туда смотрят...

На этот раз пялиться ему было некуда, я позаботилась. И турист смотрел мне в лицо или по сторонам, что меня прекрасно устраивало.

А жёлтых ёжиков мы увидели! В рекреационной зоне росли голубые «горячие» ели, адаптированный к лунным условиям сорт «лесная красавица». Такие же ели росли и у моего дома... Но эти вершинами подпирали, казалось, сам защитный купол, чёрный, с колкими иглами звёзд и половинкой Терры в зените.

– Смотрите, – сказала я. – Вон там примерно – мой дом. Поселение Отрадное. Конечно, отсюда его не разглядеть своими глазами, нужно идти в планетарий и брать доступ к одному из телескопов. Но примерная область видна.

Ириз внимательно рассмотрел планету.

– Забавно, – сказал он. – Вот наша с вами жизнь, Поулени

– стоит немного отдалиться от родного мира, и её не разглядеть.

– Вы бывали в Отрадном? – удивилась я.

– Я бывал в Катуорнери, – объяснил он. – Там у меня... родственники.

Катуорнери. Город-лес, город чужаков из народа Ириза. Они когда-то пришли к нам, да так и остались. Никто – тогда! – не думал, что им удастся выжить, они сами так не считали, но складывать лапки и сдаваться никто из них не пожелал. И теперь есть на Старой Терре город Катуорнери, анклав потомков чужой расы, давным-давно ставших старотерранскими гражданами и гражданами Федерации, когда наша планета в неё вошла...

– А в Селеналэнде у вас родственники есть? – спросила я.

– Нет. В Селеналэнде – нет. Но я хотел посмотреть на Луну, и вот я здесь.

Тут-то откуда-то из-за деревьев и показался жёлтый ёж. Довольно большой. Он спокойно, пофыркивая, пересёк дорожку перед нами.

– Какой деловой! – умилилась я. – Жаль, погладить нельзя!

– Почему?

– Он колючий и неласковый. У нас, в Отрадном, живут ежи, только обычные, серые. Смотреть можно, трогать нельзя: подпрыгнет и как даст лбом с колючками. Да ещё и обожжёт.

– Эти не должны быть с паранормой, – рассудительно выговорил Ириз.

– А колючки? – напомнила я. –

– Согласен, колючки – это неприятно.

– Знаете что? – вдруг предложила я, старательно отодвинув мысленной ногой в сторону мысленную жабу, которая пилила меня насчёт бюджета. – Мороженого хотите? Я приметил на карте точку, где оно подаётся. Вы горячее мороженое когда-нибудь ели?

– Я ел мороженое, это вкусный продукт, но – горячее? Как мороженое может быть горячим?

– А пойдёмте, – решительно заявила я. – Покажу!

И чёрт зелёный с тем бюджетом. Ириз стоил того, чтобы угостить его горячим мороженым.

Ой, Полька, а не пожалеешь ли потом?!

Автоматическая точка по доставке мороженого – это, как бы вам сказать, такой столбик с сенсорной панелькой, на которой можно набрать заказ. Выбора практически никакого: ванильное, фруктовый лёд, шоколадное и опция «с огоньком»/«без». Фишка Старой Терры, архаика, в те времена почему-то считалось, что мороженое – архиважный продукт, необходимый буквально всем. Тогда и придумали впервые в истории автоматическое производство и полностью автома-

тизированной сеть реализации.

Внешний вид практически не изменился с тех времён: тут мало что можно нового придумать, кроме дизайнерских решений. Порция мороженого стоит какие-то доли энерго и доступна абсолютно всем. Даже мне.

– Смотрите, Ириз, – сказала я, вынимая из подающего лотка брикет мороженого. – Всё просто.

Я ловко ошкурила упаковку, взяла мороженое за палочку и провела над ним горячей ладонью. Пламя окрасилось в алый, потом в фиолетовый, затем распалось зеленоватыми искрами. А белое мороженое занялось весёленьким рыжим огнём.

– Вот теперь ешьте! Ешьте, ешьте. И не тяните: быстро тает. По рукам потечёт, снова будете этот свой... универсальный оттиратель... доставать.

– А я смогу съесть настоящее пламя без ожога языка? – с подозрением спросил Ириз, с подозрением осматривая пылающее мороженое. – У меня же нет паранормы!

– Конечно, сможете, – заверила я. – Смотрите, вот тут есть маленькая зажигалочка, как раз для натуральнорождённых и всех остальных, кому «горячей» паранормы не досталось. Ешьте! И только скажите мне, что это невкусно.

Безумно вкусно, судя по его обалделой физиономии. Умял порцию в два счёта, и ещё пальцы облизал. Как я его понимаю! Ваниль и тающий во рту огонь пополам с холодом – незабываемые вкусовые ощущения! Кстати, сразу видно,

что рука у Ириза совсем нечеловеческая: два пальца противопоставлены двум другим, а всего их четыре. Такой клешнёй хорошо хвататься, лазая по какому-нибудь дикому первобытному лесу с этими, лианами. Может, его предки как раз с деревьев и слезли когда-то, как знать!

Я вспомнила Катуорнери, и поёжилась. Родня у него там, сам так сказал. Раз он того же корня, то на деревьях они живут до сих пор. Мне катуорнерские деревья не нравились, и я им, похоже, тоже. А мама спокойно себе там работает до сих пор. Впрочем, у неё третий ранг, а с телепатией в кармане договориться можно с кем угодно.

– Это вкусно, – признал Ириз. – А можно ещё?

Как ребёнок, и глаза с такой же надеждой. Разве я могла ему отказать? Вот. Духу не хватило. Сделала я ему ещё одно, уже шоколадное, для разнообразия. Потом фруктовый лёд, тоже «с огоньком». И снова ванильный пломбир. А пока он ел свою четвёртую порцию, я крепко задумалась.

Грузить Ириза своими проблемами я не хотела. Просить его заплатить – показалось мне слишком мелко. Он у нас в гостях, я сама согласилась показать ему Селеналэнд, и я же буду требовать от него платы за мороженое... Фубе, вот что. Однозначно.

Но кормить его мороженым и дальше – становилось накладно. Не поймите меня неправильно! Я бы с радостью выгрузила ему весь контейнер этой точки, а потом повела бы к другой. Если бы у меня был на это ресурс.

Щедрость, она хороша лишь тогда, когда ты ни в чём не нуждаешься. А когда тебе ещё две недели на Луне жить...

– Пойдёмте, поднимемся на внешнюю галерею, – предложила я. – Там интересно!

Внешние галереи – обязательный пункт в городах замкнутого цикла, хоть на спутниках каких-нибудь, хоть на космических станциях. Рекреационная зона, зона экстремальных развлечений, детские комплексы... Использовать это пространство можно по-всякому; народу нравится.

В современных строениях стены и потолок таких галерей занимают всё-таки экраны, транслирующие стрим с поверхности. Дёшево, удобно, сердито.

Но Селеналэнд – древний город, а старые его секции строились бог знает когда. Конечно же, особенностью его внешних галерей были настоящие прозрачные панели! А кое-где – арочные переходы строго из силовых полей, без каких-либо материальных подпорок.

Силовое поле – энергетическая свинья. Оно жрёт столько, что мама не горюй. Но в городах и на станциях замкнутого цикла отвод тепла – серьёзная проблема. Короче говоря, энергии – ложкой жуй. Можно тратить без такой лютой оглядки, как на той же Старой Терре.

Я отобрала у Ириза упаковку и оглянулась в поисках ближайшей урны. Здешние мусорки, в отличие от установленных в богатых туристических зонах, были обычными, они накапливали в себе всё, в них попавшее, а потом обслужи-

вающий робот объезжал вверенные ему баки и забирал на переработку.

– Вон она, – углядела я цель. – Пойдёмте!

Идти пришлось довольно долго, пересекли две дорожки, увидели ещё пятерых ежей и одну белочку. Белка запустила в нас шишкой и быстро смылась, а ежам было всё равно. Хочешь, обходи, не хочешь – получи колючками... Полная свобода выбора!

– Вы могли бы сжечь, – сказал Ириз.

– И получить штраф за избыточное выделение тепла? – спросила я. – Нет.

– О как строго! – удивился он.

Ну, да. Большинству на тот штраф было бы без разницы, он, в общем-то, смешной. Но не мне. Мне и сотая доля энерго – деньги. Опять же, зачем это объяснять Иризу? Выйдет, будто ною. Или, чего ещё хуже, скулю. Лёгкое враньё показалось мне куда лучшим выходом, и я рассказала парочку жутких историй, этаких лунных баек на тему пирокинетика с девизом «вся сила – в жаре» на лбу и ленивой полиции.

Ириз принял за чистую монету, и мне стало совестно. И я поспешила добавить:

– Но это, конечно, происходило не со мной и не с моими знакомыми. О, нам сюда, вот в этот лифт...

ГЛАВА 7

Лифт вынес нас наверх, в обзорную галерею. Она оказалась не такой широкой, как я думала. И рамы, в которые крепились стёкла, придавали ей невообразимо архаичный вид. Кто видел археологические передачи доктора Кармальского, посвящённые Селеналэнду, тот поймёт, в каком невероятно ценном месте сейчас находится.

Прозрачные стены на границе с агрессивной средой сейчас никто не делает. Дорого, затратно, класс безопасности совсем не тот. Повсеместно используются экраны и голографические проекторы, создающие полную иллюзию. Ну, вы видели в информе все эти фоточки, где девица в купальнике дизайнера три верёвочки, а за нею всякие мрачные пейзажи, да вот хотя бы и лунные, с половинкой Старой Терры за плечом. И это место может быть каким угодно и где угодно, хоть даже и в собственной спальне, в режиме «полное погружение».

А здесь всё было иначе.

Рекреационная зона «Жёлтые ёжики» располагалась далеко от оживлённых улиц, а может, час пик уже прошёл или ещё не наступил. Народу здесь было на удивление мало. Можно сказать, почти не было вовсе. И мы пошли вдоль стекла, любуясь куполами города, чёрным небом и половинкой Старой Терры, косо плывущей в сторону далёкого горизонта.

– Да, отсюда лучше видно, чем из парка, – сообщил Ириз, останавливаясь у одной из опор видového каркаса.

На опоре мигали синим полосы контроля силового поля. Стекло стеклом, пусть даже и высокотехнологичное и особо прочное, а добавочный контроль по всем современным требованиям не мешает никогда.

Я вызвала на экран своего терминала карту, повесила экран на уровне глаз, но так, чтобы не мешал любоваться лунным пейзажем.

– Да, мы находимся на высоте, – сказала я. – Вот, посмотрите. Видите? Выше нас только правительственные и административные сектора этого района, а они находятся в другой стороне, у нас за спиной.

– На той стороне нет экранов...

Да, сплошная ровная поверхность. Тоже наследие эпохи графического минимализма. Наши предки умели не разбрасываться энергией по пустякам...

– Здесь вообще нет экранов, – объяснила я.

– Это настоящий прозрачный материал? – удивился Ириз, и даже невольно сделал шаг назад

– Не бойтесь, не лопнет, – посмеялась я. – Веками стоит! Можно в информе посмотреть, правда.

Информ выдал нам историю создания галереи, последний апгрейд, параметры безопасности – по ним выходило, что даже силовое поле слабее гигантской прозрачной панели.

– Удивительно, – сказал он. – А ведь панель должна силь-

но нагреваться в солнечные часы! И остывать в тени.

Мы со вкусом обсудили технологическую сторону вопроса. Я люблю такие штучки, наизусть могу перечислить все их достоинства, недостатки и историю создания. А Ириз, похоже, любил слушать. Не обязательно меня, в смысле, а вообще слушать, узнавать что-нибудь новое. Как он сказал о себе? «Я любопытный». Именно так.

А ещё ему совершенно некуда было пялиться, и я решила, что всё-таки как-нибудь пороюсь в коробах, постаравшись свести ущерб для жилья к минимуму. Инженер я или кто?! Придётся купить небольшой антиграв... эх, траты, траты, снова траты...

Но Лунная Полина просто обязана пройти по галереям Селеналэнда с Иризом под ручку!

Ириз вдруг коснулся рукой моей косички, которую я так и не расплела, некогда было. Подаренная им фитюлька из тёмного дерева так и болталась на шнурочке. Я от неожиданности отдёргнулась, и руку он тут же убрал.

– Мне нравится то, что вы продолжаете носить мой подарок, Поуленн, – сказал Ириз, улыбаясь. – Вы ведь его не снимете?

– Нет, – ответила я. – Вы же от чистого сердца подарили. А мы, пирокинетики, всегда бережём такие вещи.

Что было абсолютной правдой. Моя паранорма ведь не сводится только лишь к управлению огнём. Появляются и другие... проблемы, скажем так. По мере овладения своим

даром начинаешь чувствовать... всякое. Искренность подарка, например. Доверие вещей... не могу выразить точнее! В человеческом языке до сих пор нет нужных слов, способных описать тончайшие проявления паранорм психокинетического спектра, к которым относится и пирокинез. В общем, никто из нас не отнесётся с пренебрежением к подарку, поднесённому с живым искренним чувством.

– Он тёплый, – сказала я, и, не зная, как ещё объяснить, добавила: – от ваших рук тёплый, Ириз. С ним не хочется расставаться.

Я тронула подвеску пальцами, чтобы убедиться ещё раз в правильности своих ощущений. Ириз накрыл мою руку горячей ладонью.

– Благодарю, – очень серьёзно сказал он.

Его нечеловеческие синие глаза оказались совсем близко. Я смотрела в них заворожённо, как кролик на удава. Я никогда не видела вживую ни кроликов, ни удавов, но выражение бытовало у нас в доме, и примерное его значение понятно было всем без разбору. Лучше о ситуации не выскажешься, право слово. У меня даже мурашки по хребту прошлись, ледяные колкие иголки размером с добрую горошину, и сердце в рёбра бухнуло.

Что с тобой такое, Польшка, а? Ты рухнула с дуба?!

Во всех любовных развлекалках герои именно в такие моменты отчаянно целуются. Головы им срывает напрочь, а по-

том начинается всякая дичь, которую они до самого финала разгребают. Нет уж, я – умнее! Хотя бы потому, что мою роль никто, кроме меня самой, не пишет.

Ну, так я тогда думала.

И вообще, для первого свидания поцелуи – это чересчур!

А у нас свидание?

Я аж зависла от этой неожиданной мысли. И опять ощутила пламя на собственных ушах.

– Почему у вас загорелись уши, Поуленн? – тут же задал вопрос Ириз.

– Э... это случайность! Не обращайте внимания, – я поспешно прижала уши ладонями, пытаюсь взять проклятую паранорму под контроль.

– Насколько я понимаю в истории проблем создания паранормы пирокинеза, – задумчиво выговорил Ириз, – мне сейчас следует сказать что-то, близкое к: «спасибо за то, что горят только ваши уши, а не я сам». Я вызываю у вас дестабилизирующие мысли? Почему?

Вот теперь, кажется, у меня вспыхнули и щёки тоже.

– Никаких таких мыслей вы во мне не вызываете, – попыталась было я объяснить, и опять не угодила:

– Совсем никаких? Жаль.

При этом он принял настолько уморительный расстроенный вид, что я не выдержала, прыснула в кулак.

– А кофе вы любите?

Траты, траты... Снова. Но тему следовало срочно сме-

нить, и ничего другого в голову не пришло.

Он хитро улыбнулся в стиле «я-то знаю, и знаю так же то, что ты тоже знаешь», и мне вдруг отчётливо захотелось его стукнуть чем-нибудь... кирпич бы прекрасно сошёл! А лучше всего, блок из газобетона. Тот, который два на десять. Но ни кирпича, ни блока поблизости не оказалось, а этот тип похлопал глазками и мило заявил:

– Не откажусь.

Я вызвала в воздух рядом с нами голографический экран с картой, нашла ближайшую кофейную точку, где совершенно точно будет не сублимированная для лучшего хранения бурда (жаба, сидеть!) и сказала:

– Пойдёмте!

Прозрачным мостиком, сотканным исключительно из силовых полей, мы перешли в другой сектор. Ириз всё под ноги косился: там очень близко можно было разглядеть лунный грунт. На самом деле, несколько метров до поверхности, но силовое поле работало как линза. Каждую пылинку видно.

– Если хотите на память камешек взять, то лучше на окраины слетать, туда, где стройки идут. Записаться на экскурсию, здесь такие проводятся регулярно. Если вас не смущают школьники и студенты строительных колледжей, конечно. Вот там вам лунный набор дадут бесплатно, он входит в стоимость экскурсии. А в туристических кварталах сдерут столько энерго, что уши отвалятся.

– Почему?

– Что – почему? – не поняла я.

– Почему должны отвалиться уши?

– От жадности! И злости на то, что вас развели на покупку бесплатного.

– Хм. А я полагал, что от злости уши только лишь горят...

Я выдохнула. Посмотрела в эти невинные синенькие глазки и спросила напрямик:

– Вы это специально делаете, да? Злите меня?

– Приношу извинения, – Ириз поднял ладони вверх жестом «сдаюсь». – Я не хотел задеть вас, Поуленн. Вы мне любопытны. Я никогда раньше не встречал таких людей, как вы.

– Таких – это каких?

– Не знаю, – честно признался он. – Вы ставите меня в тупик. Я раньше общался только с подготовленными специалистами... как это... с ксенологами. А вы о моём народе, похоже, почти ничего не знаете, удивительно. Я полагал, все люди знают о нас.

– Я никогда не увлекалась ксенологией, – ответила я.

– И галактическая история, похоже, в сферу ваших интересов тоже не входит...

– Там скучно, – призналась я. – Даты косяком, каждую ещё попробуй запомни. Другое дело – космические станции...

– Ах, да, я забыл, вы же из беспамятных рас, люди.

Не понравилось мне это словечко «беспамятные». Я потребовала объяснений.

– Каждый ребёнок у вас начинает жизнь с чистого листа, – объяснил Ириз. – Его надо долго учить... и если учить не тому, чему надо бы, вырастает личность, не помнящая уроков истории. И саму историю не очень-то знающая. Для вас, Человечества, это нормально.

– А у вас не так? – спросила я.

– У нас не так, – кивнул он совершенно по-человечески. – В какой Ветви родишься... Младшие, они почти как люди, по устройству памяти. Надо учить и оберегать, пока не войдут в возраст деяний. Очень похоже. А Старшие – помнят всё. Весь род, до времени первых.

– Я б с ума сошла, если бы помнила всё, – искренне воскликнула я. – Нет уж, спасибо. Мне хватает моих космических станций!

– Потому что и у вас те, кто помнит, живут сами и учат своих детей иначе. У нас и Человечества много сходства, если отбросить предрассудки и смотреть непредвзято. Но мы, наверное, уже пришли?

Да, переходная галерея закончилась. Здесь уже был другой сектор, оформленный в синих тонах, и рукотворная речка бежала с уровня на уровень, то ныряя под выгнутые деревянные мостики, то выгибаясь укутанным в силовое поле мостиком сама. В воде резвились тритоны и разноцветные рыбки. Тритоны занимали важную нишу в биосфере города, а рыбок развели просто для красоты. Такие они были воздушные, маленькие, красные с синей полосой вдоль хребта...

Кофейная точка мало чем отличалась от той, где мы брали мороженое. Автоматическая панель, пространство для отдыха – можно было поднять из пола кресло и столик, включить приват, если уж совсем не захочется смотреть на идущих мимо прохожих...

Здесь было куда больше народу, чем в «Жёлтых Ёжиках». Но всё же с запруженными туристами центральными кварталами не сравнить. Мы устроились у самого края, рядом с огромным, от потолка до пола, окном. Да, снова не экран. Настоящее окно, в первоначальном смысле этого слова.

Очень старая часть лунного города, что вы хотите!

Отсюда уже открывался вид на купола нижнего уровня. Они сияли новогодним разноцветьем – ещё одна фишка Селеналэнда, – и уходили за горизонт. Как будто гигантское море застыло под навечно чёрным, с колкими искрами звёзд, небом. На Луне нет атмосферы. Никогда здешнее небо не станет солнечно-голубым или пасмурно-серым. Нет атмосферы – нет знаменитых старотерранских буранов – нет весны, нет и лета. За бортом – холод безвоздушного пространства. Вне крупных городов практически никто не живёт – отдельные родовые поселения, как на Старой Терре, тут невозможны в принципе.

Какие-то научные станции или стройки, где персонал работает и проживает вахтово, конечно же, есть. Но не более того. В одиночку не выжить. На нашей планете тоже в одиночку не очень-то проживёшь, но на Луне – в особенности.

Вот и прирастает Селеналэнд окраинами. Когда-нибудь он расползётся на всю Луну. Я видела в записи самые первые купола лунного города – всего шесть штук, небольших. Сейчас от них мало что осталось в реальности. Но в записи смотришь и удивляешься: а как они жили тогда? При несовершенных технологиях, небольшим числом, без права на ошибку... Любая ошибка, техногенная катастрофа, и всё, смерть, без вариантов. С планеты слишком долго лететь на помощь. Человек без кислорода умирает быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.